

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ

ЗАЧИСТКА под НОЛЬ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Зачистка под ноль

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Зачистка под ноль / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2011 — (Спецназ ВДВ)

В азиатском Королевстве Суньяма, где который год полыхает гражданская война, в качестве военного советника служит бывший майор российского спецназа ВДВ Игорь Великанов. Но это лишь официальное прикрытие. Он – сотрудник чрезвычайно законспирированной российской спецслужбы «Пирамида» и выполняет особое задание. В буддийских монастырях королевства с древних времен хранятся мандалы – священные золотые пластины, с помощью которых можно кодировать массы людей и управлять ими. Еще эсэсовцы во Вторую мировую войну пытались разгадать тайну этих пластин. За заветными артефактами охотятся американцы. Если они заполучат мандалы, быть беде. Ее и пытается предотвратить десантник Игорь Великанов...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Зверев

Зачистка под ноль

Глава 1

Новый порядок

Три человека собрались в гулком зале старинного тевтонского замка. Три фигуры на шахматной доске в конце очередной игры, на переломе эпох. Судьба уже распределила, кому из них жить, а кого безжалостно смахнут с доски еще до истечения дня.

– Остались считанные дни, – угрюмо произнес один из них – полноватый лысый мужчина лет пятидесяти, с простецким добродушным лицом. Благостное впечатление портила черная форма оберфюрера СС – в этой организации не держали добродушных бюргеров. – Что бы там ни вешал этот проклятый пустозвон доктор Геббельс, крах неминуем.

Действительно, война иссякала. Силы ее были на исходе, но она еще цеплялась за земной шар своими стальными когтями, вспарывала ткань бытия острием артиллерийских ударов в Австрии и Польше, вспухала адским огненным валом на улицах Дрездена. Нацисты бросали на ее алтарь последние кровавые жертвы – неоперившихся мальцов из гитлерюгенда и стариков, едва способных держать оружие. Война напоследок жадно поглощала тысячи и тысячи жизней.

– Русские дрались у Москвы и дошли до Берлина; теперь мы деремся у стен нашей столицы и выкинем врага с немецкой территории... Только сегодня утром слышал по радио этот елейный бред. – Оберфюрер, побряхтывая, устроился на неудобном средневековом диванчике из резного дерева, стоявшем рядом с огромным камином – в былые времена в таких жарили туши быков целиком, но сегодня это просто декорация. – Оказывается, нужно лишь стойко держать позиции. И за это нам воздастся парадом вермахта на Красной площади... Нет уж, подвиги и доблесть сегодня – это ловушка. Адская топка, в которой сгорают арийцы.

Трое присутствующих, как никто другой, понимали всю катастрофичность сложившегося положения. Да, еще сражались насмерть, с самоотверженностью и фанатизмом, почти три сотни пехотных, мотострелковых и танковых немецких дивизий. Да, казалось, что невозможно прорвать глубоко эшелонированную мощную оборону Германии. Да, отчаянно бились гарнизоны фестунгов – городов, по приказу фюрера превращенных в неприступные крепости. Но волну цунами не остановить волноломами. Советские войска сужали кольцо вокруг Берлина. Оправившиеся после поражения в Арденнах англосаксы, как всегда, бодро подоспевшие к раздаче трофеев, заперли в Рурский котел отборные немецкие части. В Пруссии шли ожесточенные бои, и не сегодня-завтра начнется битва за Кенигсберг. Скоро падет Вена. Петля стягивается и становится удавкой.

Настало время трусливо спасаться бегством, и оберфюрер это понимал кристально четко.

– Время львов кончилось. Начинается эпоха зайцев, – подал голос сидящий в кресле с высокой спинкой человек средних лет, с круглым, как сковородка, лицом и узкими стальными, как клинки стилетов, глазами.

Он выглядел здесь инородно. Его смуглая кожа и оранжевое облачение буддистского ламы контрастировали с холодным величием средневекового рыцарского зала, сводчатыми окнами, тяжелой люстрой, старинными доспехами.

Со стороны эта компания смотрелась странновато. Два рыцаря черного ордена СС и буддистский монах собрались в старинном замке в центре погибающего тысячелетнего рейха. Солнечный свет, робко просачивающийся через старинные витражи, добавлял этой картине еще больше ирреальности.

– Зайцы, волки, овцы, – раздраженно произнес оберфюрер, кидая злой взгляд на собеседника, будто тот нес на себе часть вины за обрушившиеся беды. – Хотя... Человечество на самом деле только большой зоопарк.

Высокий, стройный молодой блондин в черной форме и с петлицей гауптштурмфюрера СС – классический ариец с агитационных плакатов – стоял, прислонившись к массивной грубой гранитной колонне, и безучастно разглядывал беседующих людей. Он привык, что когда эти двое встречались, то постоянно спорили. О чем-то возбужденно говорили, что-то доказывали друг другу, пытаясь ухватить ускользающую истину. Можно сказать, они были близкими товарищами – бывший профессор старейшего кенигсбергского университета, он же оберфюрер СС Эрик Лиценбергер, и монах из далекой восточной горной страны, который согласился отвлечься от постижения Вечности и Покоя и стать одним из подмастерьев в кузне, где ковался новый мир.

– Все равно мое сознание отказывается охватить этот факт. Мы, представители высшей расы, проиграли в битве орде дикарей, недочеловекам, почти что животным! Как такое могло получиться? – Оберфюрер ударил ладонью по подлокотнику дивана. – Почему боги прокляли нас?

– Наверное, варвары оказались выше, – уголки губ монаха слегка скривились. – Вы жаждали власти и порядка, они – справедливости. Они – стихия. И их дух оказался сильнее.

– Они? Сильнее? Я отказываюсь принимать это!

– Сила духа и истина постигаются только в борьбе. А в борьбе должен быть победитель. И сегодня этот победитель не вы.

– Не мы, – кивнул оберфюрер.

– Вы не могли победить, Эрик. Никогда.

– Почему? Мы столько сделали для победы! Создали стальные непобедимые танковые армады. Научились – и не без вашей помощи – управлять народной массой, сжимая ее в единый сокрушительный кулак, сплоченный общей кровью и великой целью.

– Вы научились спланировать массы? Северные варвары всегда были едины при появлении врага... Нет, вы не могли выиграть.

– Тогда зачем все это? Для чего гибнет мой народ?

– Успокойтесь. Самое главное в том, что вы не можете и окончательно проиграть. Вы две стороны единого целого. Вы будете всегда возвращаться, хотя и в разных обликах. Этой войне нет конца, Эрик.

– Все верно, – кивнул Лиценбергер. – Вот сейчас ты, религиозный софист и прирожденный жонглер словами, говоришь правду. Все только начинается. И надо вновь собирать силы.

– И скрывать следы, – кивнул монах, и в его голосе появились нотки горечи.

– У меня нет выхода, – с некоторым облегчением произнес оберфюрер, видя, что его товарищ прекрасно понимает цель этого неожиданного визита. И, похоже, уже смирился.

– Я с самого начала знал, что так будет.

– А я думал, все будет по-другому. Ты мудрее. Пусть это будет тебе утешением.

– Мне не нужны утешения, – покачал головой монах. – Они – удел слабых.

Молодой гауптштурмфюрер провел ладонью по стволу висевшего у него на плече пистолета-пулемета «МП-40».

– Дай мне еще минуту, Эрик, – попросил монах.

Оберфюрер нервно кивнул. Монах тяжело поднялся. Сильно хромая на левую ногу, подошел к двустворчатым дверям, толкнул их и вышел на небольшой полукруглый балкончик. Окинул тоскующим взором холмы и ярко-зеленый еловый лес, который варварски рассекала прямая линия бетонки. Внизу, под стенами замка, стояли легковой «Мерседес» и три полугусеничных бронетранспортера «Ганомаг».

Монах провел ладонью по покрытой коротким ежиком голове.

Лиценбергер поморщился. Да, ему будет сильно не хватать монаха. Но оставлять в живых этот кладезь информации, который может достаться врагу, – такое просто невозможно себе представить. Ну, а монах всегда знал, что поражение Германии означает его смерть. И, как истинный фаталист, не предпринял даже малейшей попытки спасти свою жизнь.

Шагнув назад, монах аккуратно закрыл двери балкона и обернулся, спокойно глядя перед собой.

Лиценбергер кивнул. Гауптштурмфюрер Зигмунд фон Рихтгофен сделал шаг вперед, поднял автомат. Оглушительно рывкнула короткая очередь. Одна из пуль прошла тело насквозь и разнесла окно. Это неважно. Стекла вставлять будут уже новые хозяева.

– С одним неприятным делом покончено, – подчеркнуто сухо изрек оберфюрер. – Не будем терять время, мой мальчик. У нас еще много дел.

Они спустились вниз – по промозглым, безжизненным, запутанным коридорам и лестницам замка Шварцвальд. Солнце спряталось за бешено мчащимися низкими тучами – они давили на душу и усиливали тревогу. Земля будто убыстрила свое вращение, готовясь ринуться вразнос и разломиться на части. Зарядил мелкий, косой, покалывающий кожу дождь.

Оберфюрер подал знак рукой похожему на бульдога, уже в возрасте оберштурмфюреру СС, командующему группой сопровождения:

– Трогаемся.

Черный лакированный, как сапог военного коменданта, «Мерседес» в сопровождении трех «Ганомаров» с отделением охраны войск СС устремился вперед, в неизвестность.

Линия фронта ломалась. Был слышен грохот далекой тяжелой артиллерии, перемалывавшей оборону вермахта, а заодно бесчисленные чистенькие небольшие немецкие городки, которых до сего времени война никак не затронула. Русские неумолимо рвались к Берлину, американцы – к Эльбе. Обстановка менялась молниеносно. И где кто сейчас находится – одному черту известно.

– Все только начинается, – шептал время от времени как заклинание оберфюрер Лиценбергер. Где-то в области солнечного сплетения после расстрела монаха у него словно засела холодная острая игла.

В руке он сжимал плотно набитый кожаный портфель. В нем были пара артефактов и несколько древних рукописей, добытых огромным трудом и жертвами. До сего времени они хранились в замке под присмотром ныне уже покойного монаха. Им не нашлось места в тайных хранилищах СС, куда заранее, на случай поражения, водружаются арийские святыни, как правило, либо поддельные, либо никому не нужные, типа пресловутой чаши Грааля, копья Судьбы или рун древних ариев. Но профессор Лиценбергер знал цену тому, чем обладал сейчас. Верил, что когда-нибудь раритеты сработают и заставят вздрогнуть этот мир, привнося в него новый порядок. И он не собирался выпускать их из своих цепких когтистых пальцев...

Глава 2

Все причастные должны умереть

Командир танкового батальона Ричард Вильямс меньше всего думал о судьбах планеты. Американского майора сейчас волновало лишь то, что его танки действуют в опасном отрыве от основных сил. Прикрытие пехоты, тыловые службы – все это осталось далеко позади. Немцы дали прикурить его легкой танковой дивизии, но Вильямсу удалось прорвать на своем участке наступления их оборону и углубиться в тыл врага. В результате из его сорока штатных, разношерстных, собранных с миру по нитке американских и английских «Шерманов», «Файерфлаев», «Першингов» осталось всего восемнадцать танков. И с ними в соответствии с полученным приказом он должен был перемалывать встречающиеся силы противника и выйти на соединение с наступающей шестьдесят пятой пехотной дивизией.

Высунувшись по пояс из люка, с приличной высоты командирской башенки ревушего и трясущегося как в лихорадке «Шермана» Вильямс оглядывал холмистые окрестности с редкими перелесками и шпилями далеких немецких городков. И на миг с болью он осознал, как же тяжело рисковать шкурой и хоронить своих людей в последние дни невиданной доселе всемирной бойни. Но победа сама не приходит. Ее приходится вырывать у противника – злого, ожесточенного, не желающего уступать и готового умирать. Правда, Вильямс не раз слышал, что нынешним немцам далеко до тех, кто несокрушимыми армадами двигался на восток в сорок первом и сорок втором годах. Русские перемололи тот матерый вермахт. И если уж сегодняшний фольксштурм бился с таким ожесточением, то страшно представить, как бы дело обернулось с теми, опытными волками, с легкостью захватившими почти всю Европу. Но их уже не будет, и майор возносил хвалу богу за это.

Миг сомнений и тоски прошел. Вперед. Летящая грязь из-под гусениц. Привычный запах бензина. Стальная мощь. Пусть Гитлер удавится на своих подтяжках, а танки Вильямса поспособствуют этому!

Неожиданно впереди ухнул взрыв.

– Головной дозор. Доложить, что происходит! – крикнул в микрофон рации Вильямс.

А головной дозор батальона, огибая холм, скрывавший часть дороги, чуть ли не лоб в лоб налетел на небольшую немецкую колонну. Заработала пушка «Першинга», разнесшая в клочки передовой БТР с крестами на бортах. От следующего выстрела подскочил и опрокинулся в кювет черный лакированный «Мерседес».

Ну, а дальше началось избиение младенцев. Второй бронетранспортер попытался развернуться, но получил бронебойный в корпус. Третьему «Ганомагу» взрывом повредило гусеницу, и он едва не перевернулся.

Оставшиеся в живых немногочисленные эсэсовцы выпрыгивали из поврежденных машин и разбегались, используя естественные укрытия местности, кустарник, траншеи. Они умело и сноровисто рассредоточивались, уходя от свинцового дождя.

– Грязные боши! Это вам от моей мамочки из Калифорнии! – азартно прикрикивал командир головного танка, вырвавшегося на радостях вперед и поливающего фрицев из пулемета.

И получил два заряда из фаустпатрона в моторный отсек и под башню.

Эсэсовцы сопротивлялись до последнего. По боям с русскими они отлично помнили, что живыми их не берут. И сейчас готовились подороже продать свою жизнь.

– Отсекаем! – приказал Вильямс.

Вокруг простиралась ровная местность, на горизонте виднелся городок, пылающий после налета английской авиации. Хорошее место для охоты. Танки начали охватывать эсэсовцев, отрезая им пути к отступлению...

* * *

«Мерседес» лежал набоку. Повезло, что снаряд рванул рядом, а не врубился в салон. Шофер был посечен осколками и, хрипя, истекал кровью в салоне. Но он не интересовал никого. Главное, пассажиры были живы. Вжимаясь в землю, они лежали в старой воронке от авиабомбы, на дне которой хлюпала вода.

– Гром и молния, – прошептал гауптштурмфюрер СС Зигмунд фон Рихтгофен. – Откуда здесь американцы?! Нас зажали!

«На кого я сейчас похож», – совершенно не к месту подумал гауптштурмфюрер и, поняв всю абсурдность своих мыслей, издал нервный смешок. Смерть уже почти схватила его за шиворот, а он волнуется по поводу чистоты еще недавно идеально выглаженного и отлично скроенного мундира.

Грохот стоял адский. Грохотали автоматы и пулеметы. Грохотали танковые орудия. Грохотали двигатели. Обычная какофония боя была чужда обоим эсэсовцам, мастерам совсем других дел, ни разу не кормившим вшей в окопах, не нюхавшим пороха на переднем крае. Ухнул фаустпатрон – он возвещал о том, что сопровождавшая охрана решила биться до конца. И этот самый конец не за горами.

Оберфюрер Лиценбергер, цепко сжимая свой бесценный портфель, приподнялся, чтобы прикинуть пути отхода. Пули с вжиканьем прошли поверх его головы. Он пригнулся, дрожащими пальцами растянул мягкую кожаную кобуру и вытащил «вальтер» – смешное оружие против танков.

– Я попытаюсь уйти и вывести вас, герр оберфюрер! – воодушевленно воскликнул Зигмунд.

– Бесплезно, – Лиценбергер почувствовал, как его сердце остро кольнуло, оно не было рассчитано на такие перегрузки.

– Мы вырвемся. И я спасу материалы, – Зигмунд кивнул на портфель.

– Бесплезно, – повторил оберфюрер с горечью.

Они знали друг друга давно – еще со времени учебы Зигмунда в Кенигсбергском университете. Побывали вместе в таких адских местах, о которых мало кто слышал. Работали в концлагерях с экспериментами над унтерменшами. Много пережито ими вместе. Зигмунд не раз выручал своего руководителя и учителя. Тот платил ему стремительным продвижением по службе и доступом к фантастическим тайнам. И вот теперь Лиценбергер направлял «вальтер» в лоб своему ученику.

– Прости, Зигмунд. Ты был мне как сын. Но ты слаб для этих тайн.

Расклад сил, как и смертный приговор, был прост и обжалованию не подлежал. Гауптштурмфюреру нужно поднять и развернуть ствол автомата, а его противнику – сделать лишь одно движение пальцем. Не опередить! Сейчас Зигмунд умрет. Его, потомка известной военной фамилии, родственника легендарного летчика Первой мировой войны «Красного барона», а также двоюродного племянника фельдмаршала авиации, сейчас продырявят пулей, без сожалений и сомнений, как какое-нибудь ничтожное животное из концлагеря. И это через два дня после того, как ему исполнилось двадцать шесть! Он погибнет не как солдат – в бою, от вражеской пули, а от руки человека, которого когда-то боготворил. В этом было что-то настолько неправильное, что его разум отказывался охватить и принять сей факт. Не было страха, только недоумение и пустота.

– Прости, мой мальчик. Но все причастные должны умереть. Мы встретимся в следующем перевоплощении! – произнес оберфюрер.

На Зигмунда вдруг накатила злость. Чертов лицемер не мог ничего сделать без патетического вступления. Это было подло!

Гауптштурмфюрер никогда не давал оснований усомниться в своей стойкости и верности. А этот старый негодяй рассудил, что верности и стойкости у него нет. И теперь лишил его возможности умереть достойно. Он не заслужил такого!

Взялся делать – делай, а не болтай, как на лекциях. К этой истине оберфюрер никогда не относился с почтением. Это его и подвело...

Словно в замедленной киносъемке Зигмунд четко увидел, как палец учителя заскользил, вдавливая спусковой крючок.

Мгновение – и гауптштурмфюрера словно двинули кузнечным молотом по лбу. Мир накрыл глухой колпак. Значит, так ощущает себя человек, которому вошла пуля в лоб? В ушах вата, мысли ворочались с трудом. Кому вошла пуля? Ему вошла? Стоп! Оберфюрер Лиценбергер! Он лежит в грязи, его спина – кровавое месиво... А он, Зигмунд, на коленях... Живой!

С трудом он осознал произошедшее.

Оберфюрер, не ведая того, спас его. Прикрыл своим телом, которое приняло на себя осколки от рванувшего рядом снаряда. Смертоносный металл иссек Лиценбергера и портфель со святынями. И почти не тронул Зигмунда. В этом был знак судьбы.

Рядом тряхнул землю еще один разрыв.

И гауптштурмфюрер отключился...

* * *

Американцы не обратили внимания на не подающего признаков жизни эсэсовского офицера. Танкисты, уничтожившие большую часть врагов, в темпе собрали трофеи и двинули дальше, на соединение со своими частями.

Портфель Лиценбергера достался лейтенанту Роджеру Пеку. Тот успешно довоевал оставшиеся недели до победы и через год привез добычу в Оклахому, где и продал по дешевке хозяину антикварного магазина, больше походившего на лавку старьевщика. Рукописи и реликвия устремились в свое путешествие по миру, пока не легли мертвым грузом в частном собрании в Лионе.

Зигмунда фон Рихтгофена в бессознательном состоянии подобрали местные жители. Контузия оказалась не слишком тяжелой, но война для него закончилась.

После подписания Германией капитуляции Зигмунд оказался в советской зоне оккупации. Для высокопоставленных деятелей рейха и функционеров СС в конце войны подготавливались пути отхода и легализации под другими именами, но система эта так и не сработала в полной мере. Один шеф гестапо Мюллер, в прошлом сотрудник криминальной полиции, ушлый, умный и знающий все о теневом мире, сумел воспользоваться своим личным планом эвакуации и исчезнуть навсегда. Но Зигмунд фон Рихтгофен был слишком мелкой сошкой и мог рассчитывать только на себя.

Русские, к его удивлению, не стали сводить счеты с немцами и топить Германию в крови, как это можно было ожидать после того, что творилось на оккупированных территориях СССР. Они достаточно быстро навели порядок, железной рукой пресекая факты мародерства и преступлений против мирного населения. Сами немцы, от генералов и до домохозяек, безоговорочно приняли капитуляцию.

В начале июня Зигмунд был задержан группой военной контрразведки «Смерш» у одной старой знакомой в городке Вильдау, где пытался тихонько отсидеться и впоследствии легали-

зоваться под чужим именем. Новым властям его дисциплинированно сдали соседи, искренне полагавшие, что их гражданский долг помогать властям. Любым законным властям.

Затем Зигмунд попал в руки НКВД и удостоился чести отдельным самолетом быть доставленным в Москву. А дальше началась какая-то странная искаженная реальность. Во внутренней тюрьме на Лубянке его не пытали, ни разу не ударили. Но допрашивали изощренно. Неделя за неделей. За него брались новые следователи. Затем возвращались старые. И – вопросы, вопросы, вопросы...

Длилось все это более года. Его выжали досуха, как половую тряпку. Он выложил все, что знал. Любопытно, что больше всего НКВД интересовали восточные экспедиции «Аненербе». Судя по точным и выверенным, как удар стилета, вопросам, русские достаточно широко были осведомлены об этих путешествиях, в том числе на Тибет к адептам религии Бон, по горным монастырям Королевства Суньяма. Да, в этой теме чекисты были вовсе не профанами. И, значит, должны были понимать, что знания Востока – это не только раскрытие загадок прошлого, но и борьба за будущее.

Зигмунд морально был готов к самому худшему. Он был уверен, что его расстреляют. Или, в лучшем случае, до конца жизни он не выйдет из русских застенков. Однако оказалось все не так страшно. Его выпустили на свободу. Конечно, не просто так: в обмен на достаточно необременительные обязательства перед советской стороной. Но Зигмунда это несколько не смущало. Ведь проигравшие не имеют права выбора.

Он был молод. Впереди его ждала целая жизнь. Очень долгая жизнь...

Вернувшись в разрушенную Германию, он не задержался там надолго – в 1946 году переехал на место жительства в Бельгию. Продолжил занятия историей, остался верен тайнам Востока.

Шли годы. Зигмунд фон Рихтгофен стал известным востоковедом, профессором ряда университетов, в том числе Сорбонны и Кембриджа. Автором многочисленных, написанных живым языком, но вместе с тем глубоких книг и монографий по истории Востока. Безбедная, размеренная, книжная жизнь... И плен воспоминаний. И жгучее желание вновь прикоснуться к тайне.

Он постоянно возвращался мыслями в тот апрельский день 1945 года. И перед ним, как наяву, вставали тени тех, кого давно уже нет на этой земле. Оберфюрер Лиценбергер, как заведенный, твердивший: «Все только начинается». Монах со словами: «Вас нельзя уничтожить»... Кто тогда даже в самых смелых фантазиях мог представить, что вскоре бывшие враги станут преемниками в установлении нового мироустройства? И с годами, наблюдая, как меняется мир, он ощущал ростки четвертого рейха.

Да, теперь в его основе другие народы. Другие политики. Другие методики и риторика. Но суть одна – управление массами и выстраивание жесткой иерархии, сталинского мирового порядка. И, конечно же, использование древних технологий, возможно более страшных, чем ядерное оружие...

Глава 3

Убей неверного!

Сквозь шум эфира из динамиков доносились отдаленные голоса. Переводчик переводил синхронно:

– Брат Абдул. Средства массовой информации сравнивают ваш акт с 11 сентября. Один высший полицейский чин убит.

– Мы на десятом-одиннадцатом этажах. У нас пять заложников.

– Все записывается средствами массовой информации. Причините максимальный ущерб. Сражайтесь. Живыми не сдавайтесь. Убейте всех заложников, за исключением двоих мусульман. Не выключайте телефоны, чтобы мы могли слышать стрельбу.

– У нас трое иностранцев, в том числе женщины. Из Сингапура и Китая.

– Убейте их.

Потом голоса, приказывающие заложникам встать в линейку, а двоим мусульманам отойти в сторону. Звук стрельбы.

Переводчик закашлялся и обхватил руками голову, едва слышно бормоча под нос проклятия.

– Не отвлекаться! – прикрикнул полковник Вин.

Взирающий на все это действо Игорь Великанов был привычен ко всему. Он побывал в самых разных модификациях ада на Земле и отлично знал, по каким законам там живут. Но все равно происходящее поднимало из глубин его души глухую злобу. Перемешанную с раздражением – обидно было, что с самого начала у террористов все пошло слишком хорошо, а у тех, кто им противостоял, – с точностью до наоборот. Вся контртеррористическая операция была организована бездарно и халатно. И нет никаких оснований считать, что дальше ситуация выправится. Полицейские силы сейчас в городе силой вовсе не являлись. И террористы творили, что им заблагорассудится.

Опять послышался какой-то неживой, механический голос террориста. Ему вторил спокойный, уверенный голос инструктора, засевшего за две тысячи километров отсюда и упивающегося безнаказанностью и возможностью вершить чужие судьбы, решать, кому жить, а кому умереть.

– Наш лидер сказал, что мы можем делать все, что захотим. Мы не должны беспокоиться. Операция должна закончиться завтра утром. Молитесь богу. Держите два магазина с патронами и три гранаты в резерве, остальное используйте... Убейте заложников. И не выключайте телефон. Я хочу слышать крики умирающих.

И он услышал их...

Небольшой перерыв в вещании. Несколько минут передышки для свидетелей этого кошмара – участников штаба контртеррористической операции, собравшихся в зале для совещаний штаба третьего регионального сухопутного командования Королевства Суньяма.

В просторном помещении с высокими потолками с лепными узорами и двумя хрустальными люстрами имелся огромный полированный стол, заваленный сейчас фотографиями, бумагами, картами местности. Прикрытые жалюзи защищали от палящего солнца. Тихо шуршали три кондиционера. На стене висели карты мира и Суньямы, исчерченные понятными только специалистам линиями и значками. Здесь было достаточно многолюдно – в штаб входили представители полиции, армии, спецслужб, политического руководства страны. Казалось, совершенно бессистемно и хаотично сустились ординарцы, секретари, офицеры связи, технари, развернувшие здесь часть аппаратуры для радиоперехвата и старавшиеся держать присутствующих в курсе событий в онлайн-режиме. Непрерывно горели плазменные экраны

нескольких телевизоров, на которые с видеокамер сбрасывались изображения захваченных объектов, а также транслировались выпуски новостей.

У Игоря Великанова голова гудела колоколом. Он дико вымотался за последнее время. Воспользовавшись минутным затишьем, откинулся в кресле, прикрыв глаза, пытаясь восстановить в памяти последовательность событий и прикидывая, как же все докатились до жизни такой.

Можно было констатировать неоспоримый факт – полиция и разведка проспали все, что только могли. Еще две недели назад стали приходить агентурные сообщения, что группа террористов готовится высадиться в Тунчжае. Эта информация успешно утонула в бюрократическом болоте. А шахиды тем временем обстоятельно и неторопливо собирались на свой джихад.

Ранним утром террористическая группа на утлом суденышке покинула небольшой порт на побережье Бангладеш. Через час боевики пересели на судно, принадлежащее спонсору теракта. А еще через сутки сошлись в море с суньямским рыболовецким судном с претенциозным названием «Лотос Востока». Его капитану были обещаны неплохие деньги за сущую безделицу – доставить нескольких человек на побережье близ Тунчжая – промышленной и деловой столицы Королевства Суньяма.

На «Лотос Востока» перебросили груз – упакованные в индивидуальные полиэтиленовые пакеты автоматы Калашникова, пистолеты калибром девять миллиметров, ручные гранаты, сотовые телефоны с SIM-картами и IED, взрывчатку.

С легким заработком у капитана рыболовецкого судна как-то не срослось. Его команду из пяти человек под угрозой оружия перевели на судно террористов, где и был произведен расчет весомыми свинцовыми монетами. Капитану удалось прожить немного дольше. Ровно столько, чтобы провести судно шестьсот пятьдесят километров до прибрежных вод близ Тунчжая.

Когда до прибрежной полосы оставалось четыре километра, одному из террористов показалось, что маячивший вдалеке военный корабль движется им наперерез. Нужно было что-то срочно предпринимать. Старший группы сообщил по спутниковому телефону в Пакистан, что, скорее всего, они попали в поле зрения военно-морского флота. В ответ поступил приказ: убить капитана и высаживаться на берег. Что и было незамедлительно исполнено.

Тело капитана бросили в моторном отсеке. Боевики уселись в резиновую лодку и десантировались на городской пляж. Там, разбившись на группы, тяжелыми шагами, таща на себе груз оружия и взрывчатки, двинулись каждый по заранее определенному маршруту, который перед этим изучили досконально. Как у торпед, у них была одна задача – поразить цель, и не важно, что для этого самому нужно расколоться на мелкие осколки. Задача фугаса – нести смерть.

Эти двенадцать человек знали, что доживают последние часы. И были горды этим. И неестественно, жутко спокойны. Именно таким должно быть слепое орудие...

Игорь невольно вздрогнул, когда опять послышались затертые и обшкуренные наждаком эфира голоса. Переводчик стал переводить новый разговор.

– В вашем отеле три министра и один секретарь кабинета, – твердил издалика пакистанский инструктор. – Мы не знаем, в какой они комнате.

– Это хорошая новость, – отвечал старший терроргруппы.

– Найдите этих трех-четырёх людей. Возьмите их. И затем во весь голос заявите, что мы хотим от этой страны.

– Молитесь, братья, чтобы мы нашли их.

– И еще сделайте вот что. Бросьте одну-две гранаты в военных моряков и полицейских, которые собрались снаружи. Они под окнами.

– К сожалению, я не могу определить, где они.

Полковник Вин криво улыбнулся:

– Ничего у них не выйдет. Военных там давно нет. И не было. Наши люди в укрытии, их не достать гранатами.

– Ну, хоть в чем-то террористы ошиблись. А то пока у них все шло безупречно, – съязвил Великанов и заработал недобрый взгляд заместителя руководителя штаба.

После высадки террористов на берег события развивались как в дешевом блокбастере. Боевики с «Лотоса Востока» и еще трое соратников, просочившихся в город самостоятельно, тупо пошли валить все, что движется. Все живое должно стать неживым – это незамысловатая мечта любой торпеды, хоть железной, хоть живой.

Пятеро проникли в самый фешенебельный отель города пятизвездочный «Гранд-Империал». Прошли туда незатейливо – через служебный ход, походя расстреляв скучающего дежурного сотрудника службы безопасности. Дальше их путь лежал через кухню в ресторан. Ступив на красный ковер, они сразу открыли беспорядочную стрельбу в стиле «на кого бог пошлет». Кровь хорошо впитывается в красное ковровое покрытие... Затем потребовали, чтобы владельцы американских и британских паспортов отошли в сторону, и повели их на верхние этажи, по пути расстреливая всех встречных. Когда добрались до верхних этажей, за ними уже было почти полсотни трупов.

Вторая группа захватила отель «Алмаз Суньямы». Там действовали так же незатейливо – врывались в номера и расстреливали постояльцев. Боеприпасов и гранат хватало с лихвой.

Еще двое террористов навестили еврейский общинный центр «Единство». Истребили всех, кто оказался на тот момент в здании – пятерых израильтян и подданную Нидерландов, – и забаррикадировались там.

Двое боевиков отдались азарту свободной охоты. Спокойно, ничего не опасаясь, они шли по городу и нажимали на курок, как терминаторы, не оборачиваясь на стук падающих тел. Расстреляли фешенебельное кафе. Бросили гранату и дали пару очередей по верующим, собравшимся на молитву у буддистского храма. Заглянули на железнодорожный вокзал, где в течение нескольких минут методично расстреливали многолюдный зал ожидания, и напоследок бросили в него несколько гранат. Изрешетили пятерых полицейских, прибывших на микроавтобусе на звуки выстрелов. И дальше передвигались по городу уже на трофейном полицейском автобусе, причем так и возили с собой на заднем сиденье двух истекающих кровью офицеров полиции.

Их маршрут легко было проследить по кровавому следу. Обстреляна больница. Расстреляна толпа возле кинотеатра. Пули косили без разбору – монахов, уличных торговцев рисовыми шариками, велорикш... Потом боевикам не повезло – на хвост села полицейская машина. Один террорист был прошит автоматной очередью, колеса микроавтобуса прострелены. Из врезавшегося в столб микроавтобуса оставшийся в живых шахид вышел с поднятыми руками. Когда к нему приблизились трое возбужденных, размахивающих оружием полицейских, шахид в лучших традициях американских вестернов выхватил пистолет и расстрелял их почти в упор. Среди погибших был руководитель антитеррористической службы страны, решивший лично принять участие в ликвидации террористов. Но тут боевику не повезло – он не ожидал, что на него набросится разъяренная толпа. Его повалили на землю. От самосуда его спасли подоспевшие патрульные. По дороге в госпиталь он был абсолютно спокоен и шептал что-то про волю Аллаха. Он стал единственным смертником, которого удалось взять живым.

Примерно так обстояли дела на сегодняшний день. Террористы закрепились в отелях, отгородившись щитом из заложников. Время от времени выдвигали совершенно безумные и невыполнимые требования, типа воцарения ислама во всем мире и освобождения всех томящихся под игом неверных мусульман. Иногда хотели и что-то более конкретного. Но Великанов был уверен, что все это не так и важно. Эти люди просто хотели уйти в райские кущи, прихватив с собой на тот свет как можно больше народу. Для самих себя они уже были мертвы.

* * *

Началось все для Игоря Великанова два месяца назад. Тогда он, бывший майор спецназа ВДВ, а позже «дикий гусь», свободный наемник, непревзойденный специалист по спецоперациям в любых широтах, получил задание от «Пирамиды» – прибыть в столицу Суньямы, среднего размера государства в Юго-Восточной Азии, раскинувшегося на полуострове Индостан. Там его ждал контракт с Вооруженными силами на должность зарубежного военного советника по вопросам формирования сил специальных операций.

Королевство Суньяма... Что это за страна такая – он представлял не слишком хорошо. Знал только, что она находится на берегу Индийского океана, там относительно развитая пищевая, сталелитейная и нефтеперерабатывающая промышленность, несколько достаточно приличных курортов и бесчисленное количество пагод, монастырей, буддистских святынь. Да, это вам не африканская Верхняя Джумба, где он был последние годы примерно в таком же качестве – консультанта Министерства обороны по спецоперациям. Увидеть там туриста можно было, только упившись до зеленых чертей и исключительно в собственном воображении. В общем, по сравнению с прошлым местом службы Суньяма представляла истинным раем. То, что здесь водятся сепаратисты, отряды наркоторговцев и прочие злодеи, Великанова не смущало – в Азии все это элемент местной экзотики и на повседневную жизнь особо не влияет. Так что он надеялся вернуться к цивилизации, отдаться всей душой достаточно нудной и скрупулезной работе по формированию боевых подразделений. После стрессов последнего времени, когда ему пришлось сыграть не последнюю роль в свержении людоедского режима Вамбы Кагаме в южноафриканской Республике Маканга и разгроме подпольной бактериологической лаборатории, настала пора перевести дух и немножко успокоить нервы.

Десантные подразделения и часть быстрого реагирования Суньямы, которым предстояло стать основой спецназа, Великанов застал в плачевном состоянии. Конечно, с тем убожеством, что он увидел по приезду в Африку, не сравнить, но и до мировых стандартов далековато. И Великанов занялся привычным делом – отбором кандидатов, подготовкой учебной базы, вносил предложения по структуре и принципам работы подразделений. Все его инициативы восприняты были руководством Министерства обороны достаточно прохладно, и непонятно становилось вообще, зачем им советник, к мнению которого никто не собирается прислушиваться. Благодаря энергии Великанова, напору и врожденному дару убеждения дело постепенно начало сдвигаться с мертвой точки, но крайне медленно, со скрипом. Из Центра не было никаких вестей. В общем, он попал в какое-то сонное царство. И жаркое. Хотя и не Африка.

Что «Пирамиде» понадобилось в Королевстве Суньяма – Великанов не имел никакого понятия. Вообще он предпочитал не заморачиваться подобными вопросами. Москве виднее. «Пирамида» ничего не делает просто так. Учитывая ограниченные ресурсы, своих агентов она расставляет только в тех регионах, где разыгрываются ставки в геополитической игре. Значит, спокойной жизни здесь не будет. Однако он уже успел привыкнуть к сонной рутине. А то, к чему привыкаешь, начинает казаться незбылемым и вечным. Ну кто мог вообразить, что начнется такое!

Когда на головы правительства Суньямы обрушилась катастрофа в лице безумных шахидов, зарубежного специалиста до кучи привлекли в штаб по урегулированию кризиса. Может, чего-то посоветует дельного. Зря, что ль, его кормят! И там Игорь Великанов вскоре понял, каков он из себя, настоящий бардак.

Бардака в своей жизни он насмотрелся немало – и во время войны в Чечне, и в повседневных буднях Российской армии. Но на Руси бардак привычен и естественен, как восход солнца, и ведет он в конечном счете только к победам русского оружия. Конечно же, непревзойден в своем совершенстве бардак в Африке, но там первобытный строй. А чтобы достаточно разви-

тое государство демонстрировало подобную беспомощность и дезорганизацию, чтобы полтора десятка вооруженных до зубов отморозков поставили на уши миллионный город, как в компьютерной игре расстреливая с равной эффективностью мирных граждан, религиозных деятелей, полицейских и военных... Это с трудом укладывалось в голове.

Никаких формализованных планов по реагированию на подобные эксцессы в Суньяме не было в помине. Накладки следовали за накладками. Единственная в стране контртеррористическая полицейская группа, специализирующаяся на освобождении заложников, располагалась на другом конце страны – а это два часа лета на самолете. Из-за бюрократических проволочек и нежелания брать на себя ответственность только через несколько часов на высшем уровне было принято решение о ее переброске. Но самолета военно-транспортной авиации не нашлось. Великанов на месте здешних силовиков просто реквизирует бы первый попавшийся гражданский лайнер, плюнув на все политические и финансовые последствия – обстоятельства были чрезвычайные. Но у руководства спецслужб даже не было полномочий для переговоров об использовании лайнера коммерческой авиакомпании. Наконец, спецназовцы дождались прибытия военного транспортника. К объектам, захваченным террористами, бойцы добирались на автобусах по загроможденным улицам миллионного Тунчжая еще пять часов!

Все это время городская полиция Тунчжая и военные больше глазели на происходящее, чем предпринимали какие-то меры по нейтрализации противника.

Сотовую связь в городе не отключили, и при атаках на отели террористы спокойно поддерживали связь со своими инструкторами в Пакистане по телефону.

Поскольку полиция так и не смогла обеспечить оцепление районов проведения операции, празднующиеся вблизи объектов жители завалили эфир сообщениями и звонками с мобильных телефонов, подробно рассказывая об увиденном кому ни попадя, вплоть до указания позиций снайперов. Это позволяло боевикам быть в курсе происходящего, ибо они располагали техникой, непрерывно сканирующей эфир. А в Пакистане пособники террористов мониторили Интернет, оперативно сообщая новые данные оттуда. Пакистанские инструкторы стремились к тому, чтобы террористы захватили некоторых важных лиц в правительстве Суньямы в заложники, и вполне грамотно давали целеуказание. Не скупилась и на другие ценные советы. В одном случае определили направление, куда надлежало швырять гранаты в собравшихся людей. В другой раз отдали конкретный приказ открыть огонь по левому крылу отеля «Гранд-Империял», где было много достойных целей.

Хорошо еще, силовики изыскали возможность организовать полноценные мероприятия по радиоперехвату, и сейчас в штабе операции имелась возможность слушать переговоры террористов с их хозяевами. От этих переговоров кровь стыла в жилах.

Недавно спецназ, наконец, занял позиции у отеля «Гранд-Империял», потом блокировал «Шератон» и еврейский центр. Но полной информацией не располагал никто. Сколько убитых? Сколько заложников? Точное расположение террористов? И, главное, что, черт возьми, делать?!

Тем временем в мире бушевала дипломатическая буря. Валом шли ноты, обращения, заявления, требования стран, чьи граждане попали в заложники, пустые и истеричные призывы ООН. Призывы освободить всех и сразу, чтобы ни один волос не упал с голов невинных граждан иностранных государств. Желательно, чтобы и террористы тоже не пострадали, поскольку виновными людей может признать только суд. И весь этот нестройный хор звучал под аккомпанемент периодически раздающихся выстрелов, уносящих жизни новых жертв.

– Сколько у вас заложников? – продолжались переговоры в эфире.

– Пятеро местных. Был один из Бельгии. Мы убили его. Его очень трудно было контролировать.

– Надеюсь, среди них нет мусульман?

– Нет, ни одного.

– Тогда убей их.

Выстрелы. Очередные заложники убиты.

Представитель правительства в штабе – сухощавая, строгая, вероятно, крайне стервозная, в строгом синем костюме дама опять выдала длинную тираду о необходимости срочно спасти невинных и покарать виновных, при этом не упустила возможности ткнуть силовиков лицом в грязь. После ее привычной агитационной пламенной речи взял слово представитель антитеррористического центра Главного управления полиции. Водя указкой по громадному телевизионному экрану, на котором застыло изображение отеля «Гранд-Имperiал», он пафосно заверял в успехе своего плана по освобождению заложников. План включал высадку с вертолета, штурм из помещений снизу – и много чего другого.

– Мы раздавим их одним хлопком, как мерзких кровососущих насекомых! – воскликнул офицер.

По мнению Великанова, после того что наворотили его коллеги, полицейскому следовало быть скромнее в высказываниях. Но говорить этого он не стал, а просто указал на несколько несуразностей в представленном плане и выразил озабоченность:

– Необходима дополнительная разведка. Нет точных данных о количестве и расположении заложников. У ваших бойцов даже нет поэтажного плана помещений.

– Пора действовать, – нахмурился представитель полицейского антитеррора. – Они справятся. Может, ваши африканские подопечные и могли заблудиться в двух комнатах, наших бойцов мы учим ориентироваться с ходу в любой ситуации.

– Плохая подготовка – будут жертвы, – предостерег Великанов, сдерживаясь, чтобы не обругать упертого болвана.

– Время, время, – воскликнула представитель правительства, за которой было последнее слово. – Мы не можем ждать. Это мировая политика. Мы должны продемонстрировать решимость бороться с любым врагом и защитить наших и иностранных подданных. Начинаем...

* * *

Как Великанов и ожидал, спецназовцам не удалось и дальше продемонстрировать высокие образцы профессионализма. Высадка на крышу захваченного «Гранд-Имperiала» прошла через пень-колоду. В распоряжении спецназа имелся один маленький вертолет, и пришлось делать три рейса, чтобы высадить всю группу. Фактор внезапности был утрачен. Воспользоваться первыми этажами отелей, где не было террористов, спецназовцы в полной мере не смогли. В результате началась осада помещений, пошли вялые перестрелки, которые непозволительно затягивались. Одним броском заложников освободить не удалось. И началось самое худшее – позиционная война, прикрытие заложниками.

Вот тут и выяснилось, что террористы превосходят спецназ в оборудовании и вооружении. Они были на голову выше по средствам связи, имели космические снимки местности. Спецназовцы же пилились, ломая глаза, в устаревшую оптику, не в силах различить, где шахид, а где заложник. Но больше всего взбесило Великанова, что с наступлением темноты боевые действия пришлось приостановить. У террористов наличествовали приборы ночного видения, а у спецназовцев они отсутствовали. Это было вообще за гранью понимания!

У русского специалиста чесались руки – хотелось самому идти в бой. Он знал, как все сделать. Но при своем статусе не имел ни на что права. Его выводило из себя собственное бессилие. Ему оставалось только выслушивать переговоры доблестных воинов Аллаха да сжимать кулаки.

Террористы, с минимальными потерями отбившиеся от первого натиска спецназа и получившие несколько часов передышки, опять переговаривались со своим командованием в Пакистане:

– Спецназ расставил снайперов. Утром они опять пойдут на штурм. Что делать?

– Брат, ты должен сражаться. Это вопрос престижа ислама. Сражайся так, чтобы твоя борьба стала блестящим примером. Будь сильным во имя Аллаха. Ты можешь почувствовать усталость или сонливость, но солдаты ислама должны оставить все позади, своих матерей, своих отцов, свой дом. Брат, ты должен сражаться во имя победы ислама. Будь сильным.

– Иншалла!..

Через двое с половиной суток после первого прозвучавшего выстрела все было закончено. Пейзаж после битвы был жутковатый. Искореженные машины. Кровь на улицах Тунчжая. Разгромленные фешенебельные отели. И мертвые тела.

На разминирование отелей саперы потратили еще несколько суток. Террористы оставили массу закладок. В числе прочего они минировали трупы, вставляя гранату с выдернутой чекой в рот убитого человека.

В общей сложности погибло более двухсот человек и почти полтысячи ранены. Такой акции террора страна еще не знала. Шахиды демонстративно куражились над местными властями и мировым сообществом.

– Разных видел отморожков, – сказал Великанов, выйдя по защищенной кодированной спутниковой линии на связь с куратором из «Пирамиды». – Но это нечто из ряда вон выходящее.

– Подробнее, пожалуйста, – потребовал куратор. – Можно с лирическими отступлениями. Нам необходима полная, пусть эмоциональная, картина с точки зрения очевидца.

– Я не поэт, но я скажу стихами, – усмехнулся Великанов. – Я насмотрелся всяких шахидов, но эти другие. В их действиях было что-то совершенно нечеловеческое, холодно-рациональное. Будто и не люди действовали, а компьютер.

– Внушает. Продолжай в том же духе...

– Складывалось впечатление, что они – лишь элементы программы, направленной на уничтожение людей. Для них смерти просто нет. Только цель – убей неверного.

– Прямо Скайнет. Судный день...

С дотошностью вытянув из Игоря мельчайшие подробности, куратор изрек:

– Дело ясное.

– И что тебе ясно?

– Что дело темное... Жди указаний.

Указания последовали на следующий день. Великанову велели принять участие в расследовании инцидента – договоренность с соответствующими спецслужбами Суньямы достигнута, что само по себе было удивительно. К таким вопросам иностранных специалистов обычно не допускают. Но «Пирамида» не переставала удивлять бывшего майора-десантника своими возможностями.

– Нас больше всего интересует методика подготовки террористов, – сообщил куратор. – И зацепки – кто и как умудрился им так проштамповать мозги. Это очень важно. Очень...

Глава 4

Проект «Барьер-два»

– Уважаемые коллеги! Я взял на себя смелость собрать вас здесь сегодня, чтобы подвести предварительные итоги по проекту «Барьер-два», – официально произнес пожилой сухощавый человек со строгим, иссеченным морщинами лицом.

Со стороны могло бы показаться, что идет подведение итогов финансовой деятельности крупной компании. Кабинет для совещаний с неброской, но предельно рациональной и очень дорогой офисной мебелью в стиле хай-тек, стеклянный просторный стол для совещаний, за которым расположились участники совещания. Блокноты. Пластмассовые ручки с надписью «Прима-Интелпроект». Газированная вода в небольших стеклянных бутылочках и пара дымящихся чашек кофе на столе.

Посетителей было четверо. Они вполне соответствовали обстановке – в строгих костюмах, галстуках, по виду офисные работники выше среднего уровня. Кроме одного субъекта, портящего общую деловую картину – он был в растянутом свитере, потертых джинсах с кожаной заплаткой на колене и с рассеянным взглядом стареющего хиппи, иногда становившимся очень колким.

Хозяин кабинета походил на олигарха средней руки еще советского разлива, из красных директоров или министров.

Но ни красным директором, ни министром он никогда не был. Главный координатор «Пирамиды» Леонид Богданов, оперативный псевдоним Гермес, в далеком советском прошлом дослужился до генерал-лейтенанта Главного разведывательного управления Минобороны СССР.

Совещание проходило на последнем этаже небоскреба в комплексе «Москва-Сити». В последнее время Гермес предпочитал проводить наиболее важные встречи именно здесь, в помещении, занимаемом подконтрольной «Пирамиде» корпорацией «Прима-Интел–проект». Из огромных, от пола до потолка, прозрачных до почти полной невидимости окон распахивался восхитительный вид на всю Москву. На кремлевские золотые купола, пики сталинских высоток, небоскребы и игрушечные кубики старых московских зданий. Снежный метелистый день, легкий морозец, февраль.

Гермес считал, что заоблачное расположение зала для совещания в какой-то мере символично. Открывавшееся пространство будто подчеркивало, что верхушка «Пирамиды» на самом деле высоко вознеслась над древним славянским городом. И миссия организации – следить за безопасностью столицы и всей бескрайней русской земли, прикрывать ее надежным защитным покровом. Чувство этого богом данного предназначения в той или иной мере было присуще каждому сотруднику. Иных здесь не держали. И слово «служение» никогда не было здесь пустым звуком. Оно было стержнем жизни.

«Пирамида» была создана на рубеже эпох, в момент развала Советской империи. Идея принадлежала Богданову. После длительной работы в нелегальной европейской резидентуре ГРУ он нашел себя в аналитической работе и собрал людей, которые по дару предвиденья могли заткнуть за пояс тысячу астрологов и экстрасенсов. Их политические прогнозы обладали пугающей точностью. И, как будто по чьей-то недоброй колдовской воле, из всех вариантов развития событий Россия упорно выбирала худшие.

Тогда все шло к краху Советского Союза и раздроблению его на полтора десятка стран латиноамериканского типа, к катастрофическому обвалу экономики и оборонной мощи. В докладе, представленном Богдановым министру обороны СССР, содержался анализ ситуации и ряд предложений по стабилизации обстановки. Из-за их жесткости приняты они не были, и

шанс предотвратить большую беду был упущен. Впрочем, в доклад не вошло многое. Например, выводы, что эти самые предложения быть приняты не могут в принципе – никто из лидеров страны не способен на решительные последовательные шаги.

Но все-таки кое-какие начинания удалось пробить. Например, формирование спецслужбами на случай неблагоприятного развития событий собственных теневых политических, экономических и боевых структур. Этот сверхсекретный проект получил название «Олимп», и его возглавил лично Богданов. Он подбирал людей, создавал базы – внедрял агентов в органы государственной власти, в росшие в то время как грибы кооперативы и иные коммерческие организации. И остро чувствовал, что не успевает, что события выходят из-под контроля гораздо быстрее расчетного.

ГКЧП пришел почти на год раньше, чем предполагалось в докладе. Зато прикончили его в полном соответствии с прогнозами. А дальше все пошло точно по пунктам: распад СССР, взрыв межнациональных конфликтов, развал Вооруженных сил и органов государственной безопасности, крах промышленности и науки, распоясавшаяся преступность и потерявшее всякий стыд коррумпированное чиновничество, длинная вереница алчных, убогих и вредных политических болванчиков, агентура противника в Кремле, по числу и наглости больше похожая на монголо-татарскую орду.

Создать организацию, способную существенно влиять на развитие событий в государстве, Богданов не успел. Эх, ему бы еще немного времени, чтобы осуществить задуманное в полной мере... Но времени не было. Однако «Пирамида» с каждым годом наращивала мощь.

Реванш. Возрождение. Рывок. «Пирамида» существовала для того, чтобы никто – ни внешний, ни внутренний враг – не помешал России осуществить их.

Основу организации составляли люди, готовые в любую секунду отдать жизнь за свою Родину. Россия всегда была богата ими. Не востребованные государством, они находили место в «Пирамиде». Еще одним краеугольным камнем в фундаменте организации были уникальные научные разработки КГБ и Вооруженных сил СССР по психокодированию, воздействию на сознание человека. В смутное время Гермесу удалось не только прибрать их к рукам, но и обрубить концы, так что ни нынешнее российское мегакоррумпированное чиновничество, ни зарубежные спецслужбы не получили к ним доступа. Лучшие специалисты оказались в «Пирамиде», и с того времени они сильно продвинулись вперед.

Построенная по типу религиозного ордена организация как спрут запустила щупальца в органы государственной власти, информационные банки. Подконтрольные коммерческие структуры, смелые финансовые операции на мировом рынке позволяли ей быть эдакой внегосударственной, не стесненной в средствах и методах компактной спецслужбой. «Пирамида» становилась мировым игроком. И чем больше возможностей она получала, тем большее количество внешних и внутренних угроз открывалось глазу. Тем более радикальные методы приходилось использовать в тайной войне и тем глубже погружаться в дела международные. А на мировой арене копошились, пожирая и покусывая друг друга, гласные мировые экономические и политические элиты, спецслужбы, религиозные фанатики, террористы, масонские организации, тайные ордена. И у всех одна идея фикс – получить как можно больше власти над этим шариком и диктовать человечеству свои, порой совершенно людоедские, модели развития.

– Мы получили исчерпывающую информацию от агента Землемера и других источников по кризису в Тунчае, – начал доклад двухметровый, массивный и мощный, как тяжелый танк, мужчина средних лет в строгом синем костюме. Присмотревшись внимательно к его повадкам, движениям и манере поведения, знающий человек сделал бы вывод, что гораздо больше ему подошел бы камуфляж, разгрузка и пулемет Калашникова на плече. Так когда-то и было. Олег Денисов, оперативный псевдоним Медведь, в прошлом служил командиром разведывательной группы ВДВ – лучшей диверсионной команды Советской, а потом и Российской армии.

– И как они оценивают происходящее? – спросил Гермес.

– Ситуация не совсем понятная. История вопроса. В начале прошлого года правительственные войска Королевства Суньяма сильно помогли Бангладеш в проведении спецоперации против мусульманских террористических организаций. Был нанесен одновременный удар по базам фанатиков на приграничных территориях Бангладеш и Суньямы. Тогда это было оценено как пример успешного международного взаимодействия по борьбе с исламским фундаментализмом крайнего толка. Скорее всего, кровавый пир в Тунджае – это ответ... Но дело не в самом теракте. Интереснее его исполнители. Их подготовка осуществлялась на базах на территории Пакистана. Они принадлежат к радикальной исламской организации «Гнев Всевышнего». До сего момента ничем она себя особо не проявила. Ее лидеры чурались рекламы и были на вторых ролях..

– И избрали проверенный способ заработать авторитет, – предположил Гермес.

– И получить свой надел на мировом рынке террористических услуг? Логично. Но не похоже. Но тут что-то другое. Гораздо худшее. Наш глубокоуважаемый соратник проанализировал ситуацию и готов доложить о результатах, – Медведь церемонно склонил голову в сторону человека в свитере. Тот, определенно скучая на данном мероприятии, занимал себя вычерчиванием загадочных иероглифов в лежащем перед ним блокноте.

Это был Эскулап, главный психолог, психиатр, а заодно и колдун «Пирамиды»; законный наследник психотехнологий КГБ, которые с его помощью были изъяты на переломе эпох и попали в безраздельное владение к «Пирамиде». У большинства этих методик аналогов в мире нет.

– Вот о чем мне не терпится уведомить уважаемое собрание. – Эскулап оживился, отодвинул от себя блокнот и зябко потер руки. – Нельзя сказать, что мы в глубокой заднице. Но близко к этому.

Гермес поморщился – он не любил подобных вольностей. Но Эскулапу прощалось все. Абсолютно все!

– Первое, что бросается в глаза – это выходящее за рамки разумного бесстрашие террористов, презрение к собственной и чужой смерти, способность пойти на все, – в речи Эскулапа прорезались лекторские интонации. – И еще – чрезвычайно высокие боевые качества.

– Точно, – поддакнул Влад Абросимов, оперативный псевдоним Русич, высокий атлет, лучший боец «Пирамиды», в настоящее время оперативный координатор проекта «Барьер-два». – Они как заговоренные были. Уложили их с большим трудом.

– Типичная некроориентация... Термин мой в учебниках не ищите, – усмехнулся Эскулап. – Они закодированы на смерть.

– И чем эти ангелы смерти отличаются от обычных шахидов? – спросил Гермес.

– Ну, с точки зрения поведения и ориентации – ничем особенным. Но... Игорь Великанов, который явно прогрессирует в последнее время, из обычного военного сапога... – Эскулап сделал паузу и заработал уничтожительный взгляд Медведя и, усмехнувшись, продолжил: – превращается в толкового агента и аналитика-интуитивиста. Так он заметил, что боевики являлись как бы элементами единой программы. Взять их переговоры. Речи про Аллаха, ислам и райские кущи для шахидов, которыми всегда смазываются подобные теракты как машинным маслом, не производили на них особого впечатления. Страхи, сомнения – все побоку. Есть программа, есть действия, нет сомнений и колебаний.

– Насколько я осведомлен, наши методики позволяют достичь не менее впечатляющих результатов, – сказал Гермес.

– Да, позволяют. Но с большими оговорками. И с использованием уникальных технических, медикаментозных средств, да еще моего немалого опыта, который сродни высокому искусству. Хорошая кодировка – это как портрет кисти Леонардо да Винчи.

– Помню, ты без особого труда сделал из пленных кукол для участия в нашей силовой акции, – заметил Медведь. – И они точно выполняли программу.

– Вот именно – куклы. Безынициативные. Одноразовые. А тут полноценные биороботы. Мотивировки, надежды, чувства – все то, что делает человека человеком – у них выключены. Осталась только боевая эффективность.

– Был проект «Барьер-один», – Русич вспомнил свое внедрение в организацию, создавшую методику превращения людей в машины убийства. – Может, это его отголоски?

– Другой почерк, – покачал головой Эскулап.

– Насколько мне известно, в живых остался только один участник акции. – Гермес отхлебнул из стоящей перед ним кофейной чашки из тонкого китайского фарфора глоток кофе с коньяком. Он нуждался в этом напитке, как автомобиль в горючем.

– Да, – кивнул Медведь. – К работе с ним допущен Великанов.

– Что сейчас с этим террористом?

– Судя по всему, кодировка иссякает, – сказал Медведь. – К нему возвращается человеческий облик и желание бороться за жизнь. Уже пишет петиции в посольство Пакистана с требованием защитить его гражданские права. Начинает сотрудничать со следствием.

– Странно, что в него не заложили установку на самоликвидацию, – задумчиво произнес Русич. – При таком уровне работы это несложно.

– Может, не смогли. Или она снизила бы его эффективность, – предположил Эскулап. – Жалко, уважаемые господа, что я не могу поработать с ним лично. Тогда все встало бы на свои места.

– Сергей Николаевич, вы же невыездной, – укоризненно произнес Гермес.

– И невыводной, – хмыкнул Эскулап. Он даже по улице не мог свободно пройти, если за его спиной не маячили полдюжины бойцов и пара машин сопровождения.

– Хотя бы командуйте Тунгуса, – назвал Эскулап имя своего любимого ученика и реально действующего оперативника.

– Будьте благоразумны, – слегка улыбнулся Гермес. – К сожалению, у нас нет возможности устроить выездной консилиум. Единственное, на что можно рассчитывать, – это участие Великанова в расследовании. Так что придется пользоваться его наблюдениями... Вернемся к кодированию. Чья это работа может быть? Американцы? Англичане?

– Другая школа, – сказал Эскулап. – Не буду вдаваться в подробности – они узкоспециальные и, в силу хронической нехватки образования, присутствующим непонятны.

Русич хмыкнул. Колкости, отпускаемые Эскулапом, не раздражали, а как-то бодрили. Оно и неудивительно. Всегда, пусть даже неосознанно, этот «колдун» пользовался психометодиками, позволявшими любой разговор пустить в нужное ему русло и придать ему нужный эмоциональный окрас.

– Похоже, мы имеем дело с традиционными восточными закрытыми методиками, – выдал Эскулап.

– Да, это действительно нечто новое, – произнес Гермес.

– Точнее, хорошо забытое старое. Из материалов расследования усматривается, что в закрытом лагере они активно занимались боевой и специальной подготовкой – получали навыки пользования системами связи, навигаторами GPS, оружием, отрабатывали десантирование на берег, в том числе и на надувных лодках, что было с блеском проделано. Заучивали особенности местности, планы объектов атаки. Даже с морской болезнью их учили бороться. Продумано было все. Где-то за месяц до операции их перевели на положение строгой изоляции. Связи с внешним миром прерваны, даже запрещены телефонные звонки. Определенная диета. Молитвы – тоже не совсем стандартные. И, что любопытно, медитация.

– У мусульман? – удивился Медведь.

– Вот именно. По информации Великанова, смертников в период подготовки посещал лидер организации Ахмед в сопровождении буддистского ламы.

– Все интереснее, – произнес Гермес. – Монах буддист с визитом вежливости у мусульманских террористов.

– Лама беседовал с каждым из террористов. Возможно, вводил в транс, но пленный этого не помнит. Вроде показывал какие-то фигуры. Судя по всему, мандалы...

– Мандала. Геометрический символ сложной структуры, который интерпретируется как модель вселенной, – блеснул знаниями Медведь.

– Почти правильно, – кивнул Эскулап. – При медитации некоторые мандалы оказывают сильное и не вполне понятное воздействие на сознание.

– И способны трансформировать психику? – осведомился Гермес.

– Вполне возможно.

– Были уже примеры использования аналогичных методик? – Гермес отхлебнул кофе.

– Об этом лучше скажет Виктор Владимирович, – Эскулап кивнул в сторону невысокого сухощавого человека с внешностью бухгалтера надомника. На кончике его носа приютились модные затемненные очки каплевидной формы.

Это был Савицкий, системный аналитик «Пирамиды», отличающийся потрясающей прозорливостью, лучший интуитивист в конторе, в миру – доктор исторических наук, автор ряда блестящих книг по истории Второй мировой войны и куда более интересных закрытых исследований. Псевдоним он себе выбрал «скромный» – Хорс, в честь славянского бога Солнца.

– Не буду углубляться в древнейшую историю Востока. По большому счету никто о ней ничего не знает. Важно, что мифология Востока впитала в себя осколки каких-то древних знаний, которые в чем-то превосходят достижения современной цивилизации. И кому они принадлежали – мы не можем даже предположить.

– Ну да, Атлантида с Лемурией, – хмыкнул Медведь, решивший сегодня блистать широтой кругозора.

– Не надо множить сущности сверх меры. Во всяком случае, общеизвестно, что Восток далеко продвинулся в исследовании глубин человеческой психики. Гипноз, транс, медитация, другие измененные состояния сознания – все оттуда. Но это то, что на поверхности. А что в глубине? Вопрос.

– Еще какой, – поддакнул Эскулап.

– Из серьезных политических фигур первым заинтересовался методиками Востока Гитлер. Это было одно из основных направлений деятельности института наследия предков «Ане-нербе», фактически являвшегося подразделением СС. Бесноватому Адольфу удалось задрожиться с Востоком. Я уверен, что он пытался использовать их методики в работе с массами.

– Не помогло, – хмыкнул Медведь.

– Может, просто не успели довести исследования до ума? Но немецкий народ Гитлеру удалось подчинить своей воле невероятно эффективно. Вообще, Третий рейх оставил много тайн... – Савицкий помолчал, собираясь с мыслями, и потом продолжил. – Следом за нацистами еще многие мировые игроки пытались гоняться за тайнами Востока. Но, поскольку выхлопа не было, интерес и финансирование стали усыхать. А потом восточные духовные нивы стал окультуривать западный обыватель, и все, естественно, превратилось в шоу, балаган и Голливуд. Вроде и говорить особо не о чем. Никакой мистической силы не найдено. Но... Тунчжай, теракт – и там вовсю используются древние восточные методики манипуляции сознанием, которые неожиданно демонстрируют свою высокую эффективность. Что это значит?

– Кто-то все эти годы продолжал искать сокровища Востока, – произнес Русич. – И постепенно подошел к их применению.

– Пока успехи таинственных соперников не ошеломляют, хотя внушают некоторое уважение, – сказал Эскулап. – Но, чую, это их первые шаги. Если этого восточного джинна выпустить из бутылки, суньямский кризис покажется безобидным, как потасовка детсадовцев в песочнице. Процесс будет глобальный.

– Выводы? – испытующе посмотрел на присутствующих Гермес.

– Присвоить проекту «Барьер-два» «зеленый» приоритет, – предложил Медведь.

«Зеленый» – один из высших приоритетов, хотя и не «красный», когда на решение проблемы незамедлительно бросаются все ресурсы «Пирамиды».

Гермес задумался, смотря в опустевшую фарфоровую чашку, на дне которой кофейная гуща нарисовала затейливый узор. Потом легонько хлопнул ладонью по столу.

– Предложение принимается. Проекту присваивается «зеленый» приоритет. Куратором остается Медведь. Оперативный координатор – Русич. Хорс – руководитель группы аналитиков. Людей привлекать по необходимости, при этом особое внимание уделять режиму секретности. Предварительно, основные направления работы. По связям террористической организации «Гнев Всевышнего». Ответственный Русич. Продолжить сбор информации об аналогичных проектах и эксцессах, произошедших в мире за последнее время. Ответственный за аналитику Хорс. Очертить круг субъектов – религиозные общины, монастыри, где могут храниться указанные методики...

Четкие формулировки Гермеса просились на бумагу – в них была штабная конкретность. Через пару минут уже выстроился план действий, охватывающий большинство аспектов проекта.

– Разрешите одно дополнение, – поднял руку Савицкий. – Мне видится крайне важным отслеживать интерес третьих лиц к восточным артефактам, прежде всего религиозным предметам и рукописям. Восточная традиция строится на этих источниках. Наш противник обязательно будет гоняться за ними. Они ему нужны как воздух.

– И это не должно остаться вне нашего поля зрения, – кивнул Гермес. – Принимается.

Глава 5

Карающий меч

Утренний холодок бесцеремонно пробирался под камуфляж. Внизу, где зеленеют покровы густых лесов и полей, сейчас царило тепло. Но в горах, на высоте три тысячи метров, было зябко.

Предводитель горного оперативного отряда командир третьего ранга Хан Кай смотрел на открывающийся вид, и его давно зачерствелая душа пела на возвышенной ноте – настолько красивы были утренние горы, яркие витражные цвета зеленых холмов и голубых озер, первозданная белизна вознесшихся вдаль заснеженных вершин. Возникало ощущение, будто весь мир у тебя на ладони. Протяни руку – и дотянешься до соседней скальной гряды. Проведи ладонью и ощути бархатную мягкость леса, покрывшего холмы справа. Щелкни пальцем – и разлетится на мелкие кусочки приютившаяся на каменистом склоне небольшая, с серыми от древности и непогоды стенами, пагода буддистского монастыря.

Хан стиснул кулак, будто бы сжимая в нем похожий на картинку монастырь, и приказал: – Рассредоточиться. Скрытное передвижение. Соблюдать осторожность. Первыми идут Дильнур и Хтайк.

Красоты красотою, но они сюда прибыли вовсе не для того, чтобы любоваться пейзажем. Они – карающий меч.

Началось все с того, что несколько дней назад генерал Чэнь Вэй решил напомнить о себе правительственным войскам. Пехотные части регулярной армии взяли под контроль несколько поселков в нейтральной зоне, которая издавна была яблоком раздора между правительством Королевства Суньяма и отрядами «Справедливого пути Суньямы». В ответ генерал приказал наглядно продемонстрировать, кто в этой части страны хозяин. И командира Хана направили на акцию возмездия. Задача была простая – организовать засаду на дороге, где, как по собственному двору, раскатывали теперь колонны королевских Вооруженных сил.

– И чтобы ни один «железноголовый» не ушел от заслуженной кары, – повелел генерал. «Железноголовыми» называли армейцев за их покрашенные в зеленый цвет каски, давным-давно приобретенные у китайцев.

Командир Хан, бывший капитан правительственных войск, по праву считавшийся в боевых отрядах «Справедливого пути» лучшим мастером диверсий, организовал засаду по всем правилам военного искусства. Выбор позиции – дорога сужалась между гор, и маневр был затруднен. Маскировка – даже птицы не должны были заметить ждущих в засаде бойцов. Зоны огневого поражения перекрывали все пространство боя. Он на своей шкуре прочувствовал истину, заключающуюся в том, что хорошая организация любой вылазки – главный залог успеха. Война не любит дилетантов и бездельников-пустозвонов. Они долго не живут.

Пришлось ждать целых четырнадцать часов. Боевики с миром пропустили большую колонну с бронетехникой, которая была им не по зубам. Не обратили внимания на всякую мелочь – одну-две машины с солдатами – не для того преодолено столько трудностей. И, наконец, дождались хорошей добычи – колонны из нескольких грузовиков, джипов и двух египетских колесных бронетранспортеров «Фахд».

Успех засады зависит от первых мгновений. И Хан их использовал на все сто!

В первые минуты боестолкновения удалось уgomонить большинство врагов. Зачадили подбитые бэтээры. Опрокинулся легкий грузовик, и еще два весело пылали вместе с трупами солдат. Но часть «железноголовых» сумела организовать огневой отпор, ушла из сектора плотного огня и, огрызаясь очередями, стала отходить вверх в горы.

Отлично помня волю генерала, что умереть должны все, а также зная, к каким плачевным для здоровья последствиям приводит игнорирование указаний лидера «Справедливого пути», командир Хан приказал добить поверженных врагов и организовал преследование. Всех – значит, всех!

Двоих армейцев уничтожили у подножия горы. Они отстреливались до последнего, но их было слишком мало. И патронов у них было мало. Но все равно им удалось ранить четверых и убить еще двоих бойцов «Справедливого пути». Не страшно. У генерала много бойцов. Хуже было, что еще троим «железноголовым» удалось все-таки уйти. Те, погибшие, прикрыли их.

Связи не было, войсковая рация, которая добивает до главной базы «Справедливого пути», продырявлена шальным осколком и восстановлению не подлежит. Следовательно, невозможно договориться об эвакуации или запросить дополнительных указаний. И командир принял решение – идти до победного конца.

Плутать в горах и искать канувших неизвестно куда троих королевских пехотинцев было заведомо проигрышным занятием. Но Хану повезло. На третий день в горной деревне сочувствующий «Справедливому пути» местный забойщик скота нашептал, что в буддистском монастыре к югу от поселка Тумана появились чужие.

До монастыря было по местным меркам рукой подать – не больше полусуток хода по горным дорогам. Здесь можно рассчитывать только на свои ноги или на вьючных животных. Но бойцам было не привыкать выбивать башмаками дорожную пыль и полировать подошвами камни.

И вот они здесь. У цели. Дело за малым: выковырять из-за крепких монастырских стен троих «железноголовых». И наказать монахов за оказание содействия врагу. И Хану совершенно наплевать, что Будда требует от своих слуг оказывать помощь всем страждущим. Они – пособники проклятого режима короля Наинг Тхуна, а с пособниками обычаи предписывали действовать предельно жестко. Чтобы и они, и их дети с внуками надолго запомнили справедливую кару, да еще послужили бы назиданием другим.

Монастырь отгораживала от превратностей внешнего мира высокая каменная стена, покрытая серой штукатуркой. Она могла бы послужить препятствием, но тяжелые ворота из покрытого красной краской дерева были гостеприимно распахнуты. И передовые бойцы, незаметно подобравшиеся как можно ближе под прикрытием деревьев и кустарника, резво рванули вперед. Простодушные буддистские монахи в оранжевых балахонах, выгуливавшие коз и волов на пастбище у монастыря, не только ничего не успели сделать, но и вообще даже вообразить, как надлежит поступать в подобных случаях.

Вскоре бойцы уже взяли ворота под контроль. И держали на мушке монахов в монастырском дворе.

– Стоять! – истошно заорал Дильнур – боец-уйгур, не слишком хорошо знавший местный язык. – Или я стрелять!

Тут подоспели основные силы. Хан неторопливо и важно прошествовал в ворота, по обе стороны от него двигались двое боевиков, водящие из стороны в сторону стволами китайских автоматов Калашникова и всем своим видом выражавшие готовность открыть стрельбу на поражение.

Во дворе возвышалось здание главного храма с позолоченной крышей и красными стенами, окруженное божественными статуями. По его ступеням навстречу командиру спустился настоятель монастыря – он был одет в такие же одежды, как и монахи, но его пожилой возраст и властная, уверенная манера держать себя говорили о его старшинстве.

– Кто ты? – спросил он, испытующе глядя на Хана. – Почему ты ступаешь на территорию монастыря в обуви? Зачем ты оскверняешь место нашего духовного труда?

– Я командир специального отряда «Справедливого пути Суньямы», – гордо оповестил Хан. – Мы пришли за грязными «железноголовыми», которых вы скрываете от возмездия.

– Здесь никого нет! Здесь только молящиеся и ищущие истинный, а не ваш справедливый, путь! – нервно воскликнул худой монах средних лет, лишенный левой руки. – Уходите отсюда. Не гневите богов!

Хан в ответ только широко улыбнулся и подал знак. Бойцы стали рассредоточиваться по обширной территории монастыря, заполненной подсобными и жилыми помещениями, множеством храмовых построек, ступ – похожих на муравьиные кучи каменных хранилищ священных реликвий. Фактически, это был небольшой городок.

Незванные гости по-хозяйски осматривали территорию, распахивая ударами тяжелых ботинок хлипкие ненадежные двери. С возгласами, выражавшими общее удовлетворение жизнью и своим местом в ней, а также выполняемой работой, боевики пинками и прикладами расшвыривали монахов, переворачивали скамейки и ящики.

Хлипкая дощатая постройка без окон располагалась в самом отдаленном закутке монастыря. Обследовав сарай с запасенным сеном и кувшинами с зерном, двое бойцов подошли к ней. Выбив ногой дверь, они шагнули в помещение.

Коротко рывкнул автомат. Первый боец, как подкошенный, рухнул на пороге. Второй успел отскочить в сторону, но автоматная очередь, прошив тонкие доски, настигла и его.

Люди Хана тут же рванули к месту стрельбы. Но они были опытными вояками, поэтому на рожон не лезли, а умело рассредоточились, прячась за грудой камней, строениями, чтобы не стать жертвой шальной пули.

– Выходи! Бросай оружие! Убивать не будем! Плен. Еда. Медицинская помощь! – безбоянно врал Хан, прикидывавший про себя, какую устроит образцово-показательную казнь.

В ответ – короткая очередь прямо через доски.

– Огонь! – отрывисто скомандовал командир Хан.

Застрекотали ручной пулемет и несколько автоматов, в труху разнося ветхое строение.

Казалось, там никто не мог выжить. Но когда воины «Справедливого пути» рванули вперед, оттуда снова прозвучали выстрелы. Постройка оказалась с каким-то секретом, защитившим оборонявшихся от пуль.

– В укрытие! – крикнул командир. Не стоило глупо терять людей. Все равно «железно-головым» некуда деваться...

И тут верткий и ушлый уйгур Дильнур неслышно подобрался к ставшей крепостью постройке и кинул в зияющий проход две гранаты. Прислушавшись, для пущей надежности загнал еще одну.

В иссеченном осколками и изрешеченном пулями домике за деревянными коробами нашли трупы королевских пехотинцев – сержанта и двух рядовых. В помещении к духу пороха и гари примешивался запах лечебных трав, благовоний и крови, запекшейся на бинтах. Видно было, что монахи выхаживали своих гостей со всей добросовестностью и прилежанием.

Командир Хан посмотрел на своих убитых бойцов. И в нем вспыхнула холодная, всепоглощающая ярость. Нарочито спокойно он приказал:

– Всех местных обитателей – во двор.

Через несколько минут туда согнали около тридцати монахов, одинаково одетых и казавшихся в своих ярко-оранжевых одеяниях какими-то несерьезными, игрушечными. Они не галдели, не возмущались, не истерили, не просили пощады. Они были неестественно спокойны, хотя многим это давалось ценой огромных усилий. Никто из них не мог уронить лицо перед вторгшимися в их обитель жестокими варварами.

Изначально буддизм был равнодушен к национальному началу, к политике, к социальным проблемам. Ламы старались отстраниться от раздражающих общества и государства противоречий, никогда не выступали как на стороне верхов, так и угнетенных низов. Постигание истины и освобождение из циклов перерождений, достижение слияния с абсолютным – вот и

вся их забота. Но помощь всем нуждающимся и страждущим была одной из основ, которую не могло поколебать ничто. И тогда они невольно оказывались втянутыми в чужие дела.

Командир указал на однорукого монаха. Бойцы подскочили к нему, подтащили и швырнули как мешок на землю. Потом приподняли, поставили на колени.

– Значит, здесь нет посторонних? – со змеиной улыбкой произнес командир. – Тогда кто стрелял в моих верных бойцов? Или это был злой демон?

Стоящий на коленях монах не ответил, смотря перед собой в землю.

– Ты будешь отвечать? Или тот же демон замкнул твои уста?

Монах не произнес ни слова.

– Ты лгал. Это грех. Грешный монах – это неправильно, – командир Хан поднял ствол, упер его в лысый череп монаха. – Ты должен быть наказан!

Раздался одиночный выстрел. Монах рухнул, дернулся и затих.

Хан выдал длинную очередь в воздух, разом опустошив магазин автомата, и крикнул:

– Монастырь будет наказан! И это справедливо!

Начался грабеж. Некоторые бойцы чувствовали себя не в своей тарелке, поскольку принадлежали к этой вере и боялась мести духов. Но большинству было плевать на все – и на богов, и на демонов. Единственный бог и демон, которого они признавали, был генерал Вэй. А он всегда твердил, что пособники врагов – это тоже враги, и на них должна быть обрушена справедливая и жестокая кара вне зависимости от того, кем они являются.

Настоятель невозмутимо и молча взирал на то, как вандалы грабят его монастырь. Он блестяще умел скрывать свои истинные чувства.

Бойцы быстро отыскивали скудную кассу монастыря, прибрали вещички из серебра, забрали все, представляющее какую-то ценность. Поскольку специалистами в антиквариате не были, гребли все то, что блестит.

Безмолвствовали и обитатели монастыря, взирая на происходящую вакханалию.

Все изменилось, когда Хан с бойцами, толкавшими перед собой настоятеля и пару монахов, оказались в главном храмовом помещении, богатом и древнем. Оно представляло из себя квадратный зал, в котором возвышалась большая статуя грядущего Будды Майтрейи. По обе ее стороны шли фигурки Будд и бодхисатв. Приподнятая центральная часть крыши поддерживалась покрытыми красным лаком колоннами с золоченой резьбой. Вечный светильник стоял в центре зала перед мраморным алтарем с приношениями – сосудами с водой, масляными лампадками, мисками с рисом и ритуальными хлебцами.

Вдоль стен тянулись низкие, покрытые коврами скамейки и узкие столы, а также собрания священных книг. Каждый том был обернут в красную и желтую материю и поставлен в деревянную ячейку, увенчанную красивыми резными и расписными панелями.

Стены были покрыты фресками с изображениями обитателей всех сфер существования: человеческой, сверхчеловеческой, нечеловеческой, божественной и демонической. Тут были и многорукие чудовища, сплетенные в соитии, в огне и дыму, и мирно сидящие на цветах лотоса святые с преданными почитателями у ног, нежные прекрасные феи и свирепые богини в экстатическом танце, украшенные черепами и гирляндами из человеческих голов, аскеты, погруженные в медитацию, и мудрецы, наставляющие своих учеников. И все это на фоне поросших лесами холмов и заснеженных вершин, деревьев, облаков и водопадов.

Деловито осмотрев полутемное помещение, Хан тут же уперся глазами в массивную металлическую дверь. Позеленевшая бронза была испещрена письменами и тонкими рисунками.

– Что там? – резко спросил командир.

– Ничего такого, что может принести тебе счастье и удачу, – ответил настоятель.

– Тебя, вижу, ничему не научила дыра в голове одной из твоих обезьян? – делано удивился командир Хан. – Открыть. Или я взорву тут все, а твоих людей перережу, как коз. Я не привык повторять!

Настоятель смиренно кивнул, покопался в складках своего одеяния. Извлек массивный ключ, державшийся на простой веревке на его шее, сунул его в замочную скважину. Ключ проворачивался с трудом, сыпалась металлическая труха. Видно было, что эту дверь не открывали очень давно.

Наконец, открылся черный пыльный зев прохода. Командир протянул руку, и сообразительный боец вложил в нее фонарик.

Скрывавшееся за бронзовой дверью помещение было не больше пяти квадратных метров. На стеллажах были аккуратно сложены десятки свернутых в рулон рукописей, исполненных на коже. Справа от входа на деревянной подставке лежала полуметровая квадратная плоская коробочка, скорее даже кожаный планшет.

Открыв его, Хан аж зажмурился. Тусклый луч фонаря заиграл на золотом рисунке.

В планшете лежала квадратная золотая пластинка – тонкая, нетяжелая. Невероятно изящный рисунок на ней был крайне затейлив. Делали его большие мастера, не пожалевшие сил и времени.

Хан удовлетворенно крикнул, резко захлопнул планшет, подняв облако пыли. Огляделся еще раз. Но ничего, представлявшего коммерческий интерес, в комнате больше не было.

Обрадованный находкой, которую твердо решил оставить себе, командир вышел на белый свет.

Увидев, что за вещь вандал небрежно держит под мышкой, коренастый молодой монах бросился вперед с отчаянным криком:

– Нет! Нельзя!!!

Его угостили ударом приклада в затылок, и он рухнул у ног Хана. Командир задумчиво посмотрел на него сверху вниз, прикидывая – убить за дерзость или пощадить безумца.

– Не надо, – покачал головой настоятель, опустивший плечи, будто под тяжелым весом. – И так слишком много зла.

– Хорошо. И пусть меня упрекают в доброте... Мы уходим, – крикнул командир Хан. – В следующий раз убьем всех!..

Настоятель, стоя на стене монастыря, задумчиво и с печалью смотрел вслед растянувшегося отряду, идущему в сторону равнины. Эти люди просто не ведали, что творили, и их нужно было пожалеть. Вот только жалости в груди настоятеля для них не было.

Все очень плохо. Насколько – покажет время... Но, с другой стороны, произошло то, что должно было рано или поздно произойти. Мандала воли вырвалась в большой мир...

Глава 6

Весь королевский спецназ

Игорь Великанов с высоты двадцать третьего этажа взирал из огромного, во всю стену окна выделенной ему двухкомнатной квартиры на погружающуюся во тьму столицу Суньямы Хуму. Закат бросал щедрые мазки алого, желтого перламутра на два черных стеклянных и совершенно чуждых гармоничному городскому пространству небоскреба делового центра. На высокий купол парламента. На бесчисленные пагоды буддистских храмов, которыми был так богат город – с древних времен короли и ремесленники могли ютиться в хижинах, но пагоды обязаны были расти ввысь и поражать своей роскошью.

Справа подпирает небо огромная золотая ступа Тхайя Дагон, вокруг которой разбросан храмовый комплекс из нескольких десятков зданий. Слева тянется пагода, похожая на авиационный ангар; в ней потрясает воображение верующих древняя святыня – гигантская, покрытая золотом статуя, по легендам, слепленная с самого Будды при его жизни. За ней возвышаются мощные каменные стены и башни – это крепость, которая в восемнадцатом веке должна была стать несокрушимой для английских завоевателей. Для укрепления при ее основании под воротами и угловыми башнями были замурованы полсотни человек в качестве жертв духам – натам. Не помогло: английская колониальная машина в ту пору не давала сбоев.

Внизу кипела беспокойная человеческая масса, гудели клаксонами машины, прозвенел колесами по рельсам древний трамвайчик. В этом полуторамиллионном городе было непередаваемое очарование и обаяние, что-то неуловимое, что необъяснимо ни красотами ландшафта, ни архитектурой. В городе была душа, мятущаяся между святостью и дикостью. И Игорю здесь нравилось.

Вот только надежды на легкую курортную жизнь не оправдались. В Королевство Суньяма пришли горячие и злые деньки.

Началось все с вылазки террористов в Тунчжае. И теперь накал агрессии усиливался с каждым днем.

Вопрос философский, даже, скорее, мистический – всю жизнь то ли Великанов, попадая в новые места, приносил на своем хвосте войны и вооруженные конфликты, то ли судьба вела его точно в этом направлении. То ли аналитики «Пирамиды» так хорошо просчитали ситуацию и точно направили агента в те черные дыры Земли, где вскоре все должно взорваться. Вот и с прибытием его в Суньяму там все, как по заказу, с цепи сорвались. Обострились старые этнические, политические, экономические противоречия. И, судя по всему, дело шло к большой заварушке.

По сути своей Суньяма мало отличалась от большинства азиатских стран. История ее достаточно типична. В ней были племена из Индии и Китая, на заре веков заселившие эту территорию. Бесконечные междоусобицы и межнациональная рознь. Создание централизованного государства под властью короля. Победное шествие буддизма, в результате чего государство некоторое время фактически было теократическим. В восемнадцатом веке колонизация Англией, оставившей после себя колониальную архитектуру, государственный английский язык и железные дороги. Вторая мировая война, жестокие схватки с японцами, оккупация части страны Японией. После войны – освобождение от колониальной зависимости. Победное возвращение монархии. Рост экономики. И тысяча проблем.

Территориальные споры были у нее теперь со всеми соседями, но обычно они не перерастали в серьезное противостояние. Гораздо хуже было с внутренним сепаратизмом. В государстве велась бесконечная гражданская война.

Партизанские действия здесь начались в конце 30-х годов прошлого века. Тогда японцы стали вооружать местных борцов с британской колониальной администрацией. Когда же страну в ходе Второй мировой войны оккупировала японская армия, оружие повернулось уже против ее солдат.

В 1945 году Япония капитулировала, англичане вернулись в Суньяму, и повстанцы с готовностью начали сражаться с ними. Британцы покинули колонию в 1948 году и от щедрот пообещали всем проживающим здесь народам автономию или независимость. Антиколониальная война плавно перетекла в гражданскую. Народы требовали обещанную англичанами независимость и почему-то не находили отклика в своем желании развалить единое государство. Расхлебывать заварившуюся кашу пришлось вернувшемуся из изгнания королю Суньямы.

Сегодня здесь действовало немало возмутителей общественного спокойствия. Суровые последователи Магомета, немногочисленные, но воинственные, требовали справедливого переустройства мира исключительно по законам шариата. Поддерживающие тесные связи с экстремистскими организациями Пакистана и Афганистана, исламские фундаменталисты являлись главными поставщиками террористов, и для борьбы с ними время от времени проводились совместные мероприятия с приграничными к Суньяме странами.

На северо-востоке часть страны находилась под контролем генерала Чэнь Вэя. Возглавляемое им движение «Справедливый путь Суньямы» берет истоки в середине двадцатого века. Тогда отряды вытесненных коммунистами из Китая гоминьдановцев проникли в страну и объединились в отдаленных провинциях, прибирая к рукам новый, динамично развивающийся и перспективный бизнес – наркотики. По иронии судьбы, эта структура в итоге попала под контроль лидеров, ориентирующихся на коммунистический Китай. Тогда и появилось название «Справедливый путь». Долгое время КНР подпитывала это «освободительное движение» оружием и деньгами.

Тогдашний вдохновитель и руководитель движения Ли Чанел, философ и революционный романтик, вполне искренне пекся о светлом будущем, о равенстве и справедливости. И торговлю растительными наркотиками, на которые были богаты местные края, воспринимал как вынужденную суровую необходимость. Но со временем движение «Справедливый путь» претерпело трансформацию. Все меньше звучало слов о светлых идеалах, зато все чаще хитрыми кривыми тропинками уходили караваны с героином.

Ли Чанел погиб при загадочных обстоятельствах – злые языки говорят, что не без помощи своего преемника генерала Чэнь Вэя. Тот быстренько канонизировал своего предшественника, поставив его в ряд с такими великими деятелями прошлого, как Будда, Христос, Ленин, Мао, и повел свой корабль твердой рукой – в одному ему видимую сказочную даль. Под его предводительством в считанные годы «Справедливый путь Суньямы» вошел в первую двадчатку самых весомых мировых поставщиков наркотиков.

Тем временем в Китае началась очередная эпоха перемен. Обновленная страна, претендующая на роль сверхдержавы, дистанцировалась от наркоторговцев и перекрыла всякую помощь «Справедливому пути». Но генерал Вэй уже не нуждался в подачках. Наркоторговля приносила сверхприбыли, и нет ничего проще в современном мире, чем на наркоденьги приобрести оружие.

Сегодня «Справедливый путь» – это фактически наркокартель с крайне левацкой идеологией, привлекательной для нищих слоев населения, которые и являются главным человеческим ресурсом. Вдохновляемые работами великого кормчего Китая Мао Цзэдуна, а также сокола мировой революции Льва Троцкого, подданные генерала Чэнь Вэя тщетно ищут тропинки в светлое будущее, а в это время наркотики из «Рубинового треугольника» половодьем растекаются по всему миру.

До настоящего времени приспешникам генерала удавалось держать под контролем значительную часть территории страны, ее труднодоступные районы, и оказывать успешное про-

тиводействие королевским войскам, которые время от времени предпринимали попытки наведения конституционного порядка. Конечно, центральному правительству он был как бельмо на глазу, но справиться с ним никак не получалось, как и у него не выходило расширить зоны своего контроля. Продолжалось это противостояние уже не первый десяток лет с переменным успехом.

Следующий серьезный игрок, пытавшийся порвать Суньяму на части, – «Союз независимых народов Тшаны». Он состоял в основном из христиан-баптистов, проповедовавших пуританские ценности. У них употребление и распространение наркотиков считалось смертным грехом. Христианам, в основном из местного коренного народа тшанов, позарез нужна была душевная чистота, свобода и независимость. Проблему они представляли еще посерьезнее, чем «Справедливый путь», пользуясь вполне искренней поддержкой самых широких масс населения, а религиозная составляющая придавала их борьбе романтику крестовых походов. Весомость их притязаниям добавляло то, что одно время Тшана была самостоятельным государством, завоеванным Суньямой, и считала своим историческим правом стремление к независимости. Некоторые районы страны находились под полным контролем «Союза»; там были сформированы местные органы власти и, поговаривают, туда даже возят туристов поглядеть на достопримечательности независимой Тшаны.

Кровавыми злодеяниями в стиле генерала Вэя «Союз» не славится, но и до христианского смирения ему далеко. Его боевые подразделения многочисленны, неплохо вооружены и идейно непоколебимы. Отказ от наркоторговли создавал некоторые финансовые трудности, но они решались за счет налогов на освободительную борьбу с подконтрольных территорий. Налоги раздражали значительную часть и без того нищего населения и сужали поддержку движения, но иного выхода не было. Подпитку финансами и оружием одно время втихаря осуществляли соседи Суньямы, имевшие с королевством неразрешимые противоречия территориального свойства. Также приходила помощь от некоторых заморских доброхотов, заинтересованных в вечном очаге напряженности в Азии, и инвесторов, надеявшихся поживиться после раздела страны.

Были еще различные национально-освободительные, переходящие в террористические, организации различных национальных меньшинств. Бесчинствовали свободные банды наркоторговцев. В отдаленных уголках побережья даже нашли свой приют пираты, потрошившие контейнеровозы, сплошным потоком идущие через Индийский океан.

Вот такой коктейль был намешан в Суньяме. И это если не считать проблем поменьше – социального недовольства, экономических неурядиц, связанных, в том числе, с повальной милитаризацией страны. Время от времени вся эта адская смесь вспухала терактами, боевыми действиями, карательными акциями со всех сторон. Потом пламя затихало, чтобы через некоторое время вспыхнуть вновь.

Длительное время вся эта система находилась в состоянии относительного равновесия, когда никто не хочет никого добивать насмерть и все довольствуются существующим раскладом. Но, похоже, этому худому миру приходил конец. Аналитики «Пирамиды», еще перед засылкой Великанова, проанализировали ситуацию в регионе и сделали вывод о скором резком обострении ситуации, которое, возможно, изменит баланс сил в регионе. Но даже неискушенному наблюдателю было понятно, что недавний отказ короля Наинга Тхуны в продлении срока пребывания базы ВВС США до добра не доведет.

Первым звоночком прозвучал террористический акт в Тунджае. Потом как-то синхронно активизировались боевые формирования «Союза Тшаны» и «Справедливого пути». А затем стала поднимать голову разношерстная политическая, экстремистская и уголовная шушера. И относительно стабильная в последние годы ситуация начала расшатываться. Не было дня, чтобы не приходили сообщения о вылазках сепаратистов. Хотя большой крови не лилось, но все это сильно нервировало население и усиливало ощущение нестабильности.

События в Тунджае наглядно продемонстрировали неспособность сил антитеррора противостоять сколь-нибудь серьезной террористической атаке. Неразбериха, отсутствие ясных и четких правил, дрянное оснащение – все это привело к большим жертвам среди мирного населения. Почти трое суток террористы показательно куражились над Суньямой и всем миром. Стало понятно – страна нуждается в подготовленных силах спецопераций.

После кризиса в Тунджае воз сдвинулся со своего места. Кто-то из больших шишек, принимавших участие в деятельности антитеррористического штаба, высоко оценил компетенцию русского специалиста. И его определили советником к помощнику министра обороны адмиралу У Хтай Аунгу.

Должность адмирала – помощник по чрезвычайным вопросам – звучала неопределенно, не был понятен конкретный круг его обязанностей. На деле оказалось, что он служит эдакой «скорой помощью». Он там, где необходима была интенсивная терапия – принятие срочных непопулярных решений по самым острым проблемам, возникающим перед Вооруженными силами, а часто и перед государством в целом. В силу ряда обстоятельств в некоторых ситуациях он обладал полномочиями даже выше, чем у министра обороны. В Вооруженных силах, зная его жесткий и крутой нрав, к нему относились с опаской и вместе с тем с неизменным уважением.

Первая встреча помощника министра и зарубежного советника произошла на аэродроме, где бойцы парашютного полка демонстрировали навыки десантирования с небольшого, похожего на глазастую стрекозу вертолета индийского производства «Читак».

Великанов внимательно наблюдал за происходящим действием, и тут к нему подошел азиат средних лет – невысокий, худощавый, с залысинами, отвоевавшими почти всю голову. На нем был комбинезон защитного цвета без знаков различия. На лице застыла доброжелательная и какая-то потусторонняя улыбка.

– Здравствуйте, господин советник. Ну как, впечатляют успехи наших десантников?

– Добрый день. Не особенно, – произнес Великанов, пытаясь оценить, кто перед ним.

– Адмирал У Хтай Аунг к вашим услугам. Нам предстоит работать вместе, – потусторонняя улыбка стала еще шире.

– Я буду рад сотрудничеству, – дипломатично произнес Игорь. – Надеюсь, оно будет плодотворным.

– Ну, это зависит больше от вас.

– Постараюсь оправдать доверие.

– И вы сделаете меня счастливым человеком. События в Тунджае показали, что у нас нет нормальных сил специальных операций и практики их применения. Наша задача – создать их.

Великанов согласно кивнул – тут не поспоришь.

– Я со своей стороны сделаю все. У меня есть некоторое влияние, и я стараюсь употреблять его на пользу моего народа.

Адмирал сложил перед собой ладони и поклонился. Русский специалист поклонился в ответ. Похоже, оба остались довольны первой встречей.

Чуть позже Великанов узнал, что именно составляло основу этого влияния – адмирал принадлежал к королевской фамилии, являлся близким родственником короля и пользовался его безоговорочным доверием.

Вторая встреча состоялась через несколько дней, когда адмирал ознакомился с отчетом русского специалиста о состоянии специальных подразделений Суньямы – диверсионной роты, роты военно-морского спецназа, парашютного полка и антитеррористического полицейского подразделения. Им предстояло стать основой будущих сил специальных операций.

– Я ждал более разгромных оценок, – сказал адмирал, на этот раз принимавший гостя на построенной в колониальном стиле вилле, служившей его штаб-квартирой.

– А я ожидал худшего, но надеялся на лучшее. Техника и вооружение хоть устаревшие, но есть. Индивидуальная подготовка личного состава средняя. Дисциплина удовлетворительная. К решению специальных задач, возлагающихся на подразделения сил специального назначения, практически не готовы. Можно использовать как пехоту и полицейские силы, но не более того.

– В чем-то разделяю ваше мнение, – кивнул адмирал не особо радостно. – Я исследовал этот вопрос полгода назад и понял, что без постороннего свежего европейского взгляда нам не обойтись. Я настаивал на приглашении зарубежного специалиста. До этого у нас гостили израильские консультанты, но у меня сложилось впечатление, что они больше утаивают, чем говорят. Русские обладают бесценным опытом проведения спецопераций. В отличие от американцев, опирающихся больше на технику, связь и подробнейшие инструкции на любой случай жизни – как дышать, как свистеть, – русские больше рассчитывают на себя, свою выучку. Такой подход ближе к нашим реалиям и возможностям.

– В самую точку, – согласился Великанов.

– К сожалению, в последнее время я несколько упустил этот вопрос из виду, и первые недели вам не давали проявить себя. Сейчас все изменится. Я сильно рассчитываю на вас.

– Только есть ряд моментов, – сказал Великанов. – Приведение в соответствие с нормами боевых уставов и правил проведения спецопераций – за мной. То же касается организации штабной работы, взаимодействия, разведки. Мне тут не нужны пустые научные дискуссии и вездесущая бюрократия, способная утопить в бумагах любые светлые надежды. Кроме того, необходимо мое личное участие в отборе и подготовке командного состава. Определение плана обучения – тоже за мной. Одно подразделение из бойцов, которых я сам подберу, буду готовить лично... И еще – я должен участвовать в проведении спецопераций.

– Имеются причины так рисковать собой, уважаемый гость? – широко улыбнулся адмирал.

– Я должен лично видеть, как подразделения покажут себя в бою.

Адмирал задумался. Русский требовал немало. Но, насколько У Хтай Аунг был наслышан о подвигах этого человека, и способен тот был на многое.

– И еще: судя по всему, силы спецопераций будут востребованы в самом скором времени. Мы в цейтноте. Поэтому щадить не буду ни себя, ни ваших людей.

Следующие месяцы стали нелегким испытанием для железного Великанова. Что уж говорить о его подопечных – они просто попали в чистилище.

Адмирал У Хтай Аунг пока держал данное слово и оказывал всяческое содействие. Хотя это было нелегко. Когда дело касалось каких-то организационных моментов и текущих бумаг – решалось все более-менее просто. Но проработка вопросов взаимодействия между родами войск и различными силовыми ведомствами вызвала целую бурю. Идея подчинения всех сил и средств единому руководству в лице представителя Министерства обороны была встречена представителями других силовых структур в штыки.

На межведомственных совещаниях по вопросам антитеррора Великанов горячо и, как ему казалось, вполне убедительно, наглядно, на пальцах, чтобы всем туго думающим и плохо слышащим было понятно, объяснял, что без должного управления, взаимодействия и обмена информацией спецоперации будут хаотичными и бестолковыми. Представители же всех силовых ведомств пытались перетянуть одеяло на себя, и их корчило от мысли о подчинении кому бы то ни было. Ситуация была болезненно знакома по Чечне, где отсутствие единой руководящей руки всегда приводило к потерям и провалам.

Когда обсуждение в очередной раз зашло в тупик, адмирал заявил, что всех присутствующих через час ждет премьер-министр на совещании по реформе силовых структур.

В просторном овальном кабинете Великанову пришлось использовать все свое красноречие. На этот раз его главным слушателем был глава правительства – старый и мудрый гном, пят-

надцать лет тянувший нелегкую ношу. И большинство предложений русского советника было одобрено под зубовой скрежет недоброжелателей.

Закрепляя успех, русский советник тут же передал наверх на подпись главный документ – правительственную секретную директиву о порядке применения сил и средств и организации их эффективного взаимодействия при возникновении чрезвычайной ситуации, объявлении военного положения, проведении контртеррористических (взял специально русский термин как наиболее обтекаемый и дипломатичный – в этом в России поднаторели) операций.

С самого начала Игорь пытался подыскать адекватных людей на аналитическую, штабную, правовую и разведывательную работу. Ему это удалось – ребята подобрались толковые и амбициозные. С их помощью удалось добить необходимую правовую и организационную базу. А именно доктрину и порядок применения сил специального назначения. Приказы по взаимодействию с другими родами войск. Указания об обеспечении транспортом, в том числе авиационным – теперь за каждой группой специального назначения закреплялись необходимые средства доставки в любой конец страны, чтобы не повторилась история, когда полицейский спецназ не мог добраться до Тунчжая.

Через два месяца силовики Суньямы имели достаточно полно расписанные правовые основания для более-менее адекватного противодействия террору.

Конечно, Великанов не обольщался по поводу своих личных заслуг. Без адмирала этот камень не удалось бы сдвинуть с места никогда. Все начинания на месяцы и годы утонули бы в бумажных согласованиях.

Хуже обстояло дело с вооружением. Армия Королевства Суньяма представляла собой вооруженную устаревшим, но все же достаточно надежным оружием силу в две сотни тысяч человек. ВВС, ВМФ, сухопутные войска – и теперь силы специальных операций. Последние были оснащены из рук вон плохо. Имелось всего лишь несколько устаревших приборов ночного видения, укомплектованность бесшумным оружием просто катастрофическая. Бронетехника во многом уже выработала свой ресурс. О морском спецназе и говорить не приходилось – с некоторыми образцами подводного оборудования было просто опасно работать на глубине. Средства связи тоже оставляли желать лучшего.

Представив адмиралу оформленную по всем правилам заявку, Великанов услышал то, что и ожидал:

– Где я это возьму? Бюджетом не предусмотрены такие траты!

– Это самое необходимое. По минимуму, – развел руками Великанов. – И вообще, если у нас нет проблем, значит, мы уже умерли.

– Попробую, – кивнул адмирал, оценив русскую военную мудрость в стиле дзена...

И что-то сдвинулось. Приобрести русское не самое новое, устаревшее, но все же достаточно надежное оружие спецназначения удалось, используя каналы «Пирамиды», через третьи руки. Через три месяца с начала всей этой катавасии Великанов с удовлетворением осматривал первую посылку – упакованные в ящики девятимиллиметровые снайперские винтовки «Винторез» для бесшумной стрельбы и приборы ночного видения.

– Российское – значит отличное, – хмыкнул он, высадив на стрельбище из «Винтореза» весь магазин на десять патронов прямо в яблочко.

– Мои бы так стреляли... – вздохнул адмирал У Хтай Аунг.

– Так, не так – но будут. Не можешь – научим, не хочешь – заставим.

– Хорошо сказано! – обрадовался адмирал, которого русский специалист не уставал радовать крылатыми изречениями.

– Не мое. Народное. Русское армейское.

– Надо запомнить.

– И применять, – хмыкнул Великанов.

Применять эту мудрость на практике он не стеснялся. Ведь к подбору и обучению подразделений он относился не менее ответственно, чем к их вооружению.

Перво-наперво он протестировал в самой жесткой форме весь личный состав спецподразделений. По результатам около половины были переведены в обычные строевые части. Зато в пехоте и ВМФ удалось набрать нормальных кандидатов, которых прельстили слава зеленых беретов и двойные оклады. Потом занялся инструкторами, избавившись от балласта и подбрав более-менее приличных специалистов. И заставил их гонять бойцов в хвост и в гриву по подготовленной интенсивной программе.

Спал теперь русский специалист по четыре-пять часов. С трудом находил время, чтобы поесть. Мотался на пропыленном джипе между подразделениями, штабом, учебным центром. И все равно с болью ощущал – как же не хватает времени!

Через месяц, когда стало понятно, кто из бойцов чего стоит, Великанов подобрал отборную группу в тридцать человек. За ее подготовку он отвечал сам. И теперь львиную долю времени тратил на этих ребят.

Изнурительные марш-броски. Работа с оружием. Тактические приемы. Разведка с использованием рельефа местности. Порядок передвижения. Боевое слаживание. Правила ведения переговоров с террористами. Ну и, конечно, работа по специальности – для минеров, снайперов, пулеметчиков, санинструкторов. Обучить бойца всему невозможно. Каждый должен владеть элементарными навыками и снайпера, и сапера; но чтобы одолеть подготовленного противника, навыки у тебя должны быть отточены до совершенства, а это возможно только в узкой области и с учетом индивидуальных психофизиологических особенностей. Великанов владел искусством видеть, на что способен человек и в каком роде занятий он раскроется во всей полноте.

Работать с азиатами было на порядок легче, чем с трудно управляемыми неграми, лень которых сравнима лишь с их же невежеством. Здесь был совершенно другой человеческий материал. Как правило, бойцы были дисциплинированные, добросовестные, выносливые и никогда не ныли, не жаловались, боялись потерять свое лицо перед боевыми товарищами и командирами. Вместе с тем к их слабым сторонам относилось отсутствие разумной инициативы, боевого азарта. Не было того веселого и злого куража, который отличает братьев-славян и заставляет их биться до последнего патрона. Поэтому нелегко было подобрать инициативных и способных на разумное безрассудство командиров.

Где-то через четыре месяца более-менее были сбиты диверсионные и разведывательные группы, десантные подразделения. И в душе Великанова начинала теплиться надежда, что он успеет довести отряды до рабочего уровня к тому моменту, когда Суньяма запыхает огнем.

Да, сделано много. Сегодня был первый день, когда Великанов мог расслабиться, глядя из своего жилища на вечеряющий город и потягивая легкий коктейль. Вообще в баре на первом этаже здания делали отличные коктейли и всегда были готовы принести их наверх для ВИП-персон.

Интересно все-таки поворачивается жизнь, подумал Великанов. Он, бывший майор ВДВ России, работает сейчас на короля восточного государства. Чужая страна, чужие люди. А их проблемы почему-то уже стали своими, близкими.

– Вся королевская конница, вся королевская рать, – процитировал он известное стихотворение и добавил: – И весь королевский спецназ.

Неожиданно раздался звонок мобильного телефона. Великанов вздрогнул. Похоже, он рано размяк.

– Слушаю, – четко по-военному произнес он в трубку.

– У нас чрезвычайная ситуация, – послышался голос адмирала. – Осмелюсь просить вас прибыть в штаб.

– Сейчас буду, – кивнул Великанов.

– Машина уже послана. – Адмирал помолчал и совершенно другим голосом, доверительно произнес: – Настало время показать, на что мы годны, Игорь...

Глава 7

Хороший командир

Отряд командира третьего ранга Хана возвращался с победой. Изможденные, едва передвигающие ноги бойцы, среди которых были и раненные, гордо приосанились, оказавшись на территории затерянной в джунглях деревеньки, ставшей на время базой главного командования «Справедливого пути Суньямы». Они с презрением взирали на остальных вояк, на тыловых ничтожеств, на плохо обученных крестьян, втягивающих голову в плечи при отдаленных выстрелах и взрывах. Они возвращались, убив врага. Пускай потеряли своих людей, но жизнь стоит мало в этих краях. Лучшие бойцы лучшего командира, за которого они готовы сложить головы.

К тому же они пришли с трофеями. Пусть добычи хватит ненадолго и она растворится, как сахар в кипятке, – будет обменена или продана ушлым жукам, которые не знают, что такое настоящая война, раздарена женщинам за минуты любви, – но это не важно. Победа и трофеи – что может быть слаще для слуха истинного воина! Убитые «железноголовые» – что может быть лучшим подарком для тех, кто идет по истинно справедливому пути...

Сам командир Хан с трудом представлял, что ему ждать от командования. То ли награды за хорошо сделанную работу – разгромленную пехотную колонну, то ли наказания за то, что надолго увяз в горах и не выходил на связь. Реакция генерала была труднопредсказуемой. Поэтому командир Хан с некоторым волнением переступил порог просторного дома, некогда принадлежавшего местному священнику-баптисту, долгие годы занимавшемуся в окрестностях миссионерской деятельностью и теперь выгнанному взащей на улицу.

Генерал принял его в почти пустой комнате, аскетично обставленной простой и функциональной мебелью – лидер движения всегда подчеркивал, что он чужд роскоши.

Толстый, седой, достаточно гладкий для своих шестидесяти лет, с узкими как щелочки, заплавленными жиром глазами, генерал Вэй пялился в ноутбук, пытаясь осмыслить какую-то информацию. Потом забарабанил пальцами по клавиатуре. И предавался этому занятию минут пять, будто и не замечая Хана. Наконец поднял взор. Резко отодвинул ноутбук. Поднялся. И отрывисто приказал:

– Докладывай, командир Хан. И не забудь объяснить, почему отсутствовал так долго, что в мыслях мы успели похоронить и тебя, и твоих людей.

Хан четко доложил о проведенной акции. В коротком докладе уместились и количество уничтоженных врагов, и тактика действий, и собственные потери. И, главное, причины, заставившие его преследовать армейцев и не давшие ему выйти на связь.

– После потери рации я сделал единственно возможное: дословно выполнил ваш приказ, генерал. Никто не ушел живым от возмездия!

Генерал Вэй внимательно осмотрел подчиненного, обошел его, будто примеряясь, куда приспособить такой видный экземпляр. Потом удовлетворенно произнес:

– Ты кое-чему научился, влившись в наши ряды, бывший пехотный капитан Хан. Главное долг и приказ. И пусть сгорит вся земля, но останется наша доблесть!

В итоге результаты рейда были оценены генералом высоко. А за разгром монастыря Хан даже удостоился отдельной похвалы.

– Пусть все знают. «Путь справедливости» справедлив, – в конце аудиенции с пафосом объявил генерал, похлопывая вытянувшегося по стойке «смирно» Хана по плечу. – Мы караем врагов. И не жалеем ничего для друзей.

– Жизнь за свободную Суньяму! – как положено по правилам, отчеканил Хан, ударив себя ладонью в грудь...

Хан в очередной раз доказал, что на него можно положиться и что он лучший в своем деле. Всему отряду был дан отдых. И бойцы были предоставлены на время самим себе.

Активных боевых действий не шло. По всем фронтам наблюдалось напряженное затишье. После разгрома пехотной колонны армейцы отбомбились по известным им лагерям «Справедливого пути», оказавшимися на поверку обычными деревнями, где какое-то время назад действительно квартировали сепаратисты. Также было проведено несколько не слишком активных силовых акций. А потом все успокоилось.

Но Хан знал, что долго эта идиллия не продлится. Краем уха он слышал, что генерал готовит что-то грандиозное. Но что именно – тайна за семью печатями. А с вопросами лезть опасно: контрразведка у «Справедливого пути» не спит. За некоторые вопросы сразу отрежут язык, а потом и все остальные выступающие части тела...

Некоторое время Хан считал, что эта история закончилась удачно. Но, как вскоре оказалось, радовался рано.

Через две недели генералу донесли, что Хан нашел в разгромленном монастыре какую-то сильно затейливую побрякушку, притом из чистого золота. И удачно припрятал ее.

Поздно вечером в стоявшую на окраине лагеря хижину к бравому командиру завалились телохранители генерала. И на миг застыли в изумлении.

Тускло светила питаемая от общего генератора лампочка. Хан стоял на коленях на дощатом полу. У его ног валялась пустая бутылка из-под виски. Перед ним лежал квадратный золотой предмет. Офицер завороченно глядел на переплетение древних знаков и схем.

Телохранители генерала не привыкли миндальничать. Преодолев секундное замешательство, они грубым рывком подняли офицера на ноги. Встряхнули, привели в чувство, окатив водой из стоявшего в углу пластмассового ведра, и вместе с трофеем доставили к генералу.

– Великолепная мандала, – лидер «Справедливого пути» внимательно осмотрел принесенный предмет, от которого веяло седой древностью. Осторожно погладил пальцами удивительный узор – тот был совершенен и вместе с тем вызывал тревогу, был чем-то неприятен. И ощутил, что его притягивают волшебные переплетения линий и завитков, ему хочется снова и снова глядеть на выдавленные в золоте старинные письмена, значение которых вряд ли кто сегодня поймет.

Резко отодвинув мандалу, генерал уперся суровым взором в своего подчиненного:

– Ты мародер, Хан. Ты взял то, что принадлежит богам, и скрыл это от меня.

Хан уже окончательно пришел в себя. Пары виски выветрились из его головы. Его бил нервная дрожь. Он знал, как скор на расправу генерал и в какие жестокие формы выливается его гнев.

– Я ошибся, господин, – сдавленно произнес Хан. – Я прошу прощения.

– Ты хороший офицер, Хан, – генерал не удержался и снова провел пальцами по золотому узору. – И тебе за это многое прощается... Иди. И живи впредь честно. Как следует жить моему соратнику, бойцу «Справедливого пути».

На подкашивающихся ногах Хан покинул дом генерала, провожаемый злыми взглядами его садистов-телохранителей. Те явно рассчитывали на кровавую забаву и были обмануты в своих лучших ожиданиях.

Добравшись до своей хижины и устроившись в гамаке, Хан несколько минут отрешенно смотрел в потолок, потом прошептал едва слышно:

– Ты запомнишь этот день, генерал Вэй. Мерзкая жирная скотина.

Раньше он даже и в мыслях не позволял себе такого. Но в последние дни в нем что-то изменилось. Будто кто-то сдвинул выключатель, и все окружающее предстало в другом свете – гораздо более неприглядном.

Для генерала находка была неожиданным, и от того еще более приятным, пусть и мелким, подарком судьбы. Он не чурался торговли восточными древностями. Хотя основным источни-

ком его немалых доходов были наркотики, но награбленные культурные ценности тоже порой стоили немало и вполне оправдывали затраченные на грабежи и контрабанду усилия.

По своим старым каналам генерал переправил находку в Европу и на время забыл о ней. Потом вспомнит – он помнил все. Но это будет потом.

Командир Хан же с той поры внешне не изменился. Он добросовестно исполнял свои обязанности, и по нему трудно было сказать, какие бури сотрясают его душу. Через некоторое время он смог холодно и объективно оценить обстановку и, наконец, решился.

Он начал действовать!

А генерал Вэй еще не раз проклял свое великодушие и раскаялся, что собственноручно не искромсал на куски лучшего командира своего диверсионного отряда.

Лучшими бывает иногда очень трудно управлять. И часто те не вовремя осознают, что они лучшие...

Глава 8

Дипломаты мы не по призванию

– Вот и настала пора попробовать наших людей в деле, – произнес адмирал У Хтай Аунг, который в окружении офицеров находился в своей штаб-квартире. Просторный стол как скатертью был покрыт большой подробной картой и поверх нее спутниковыми снимками местности.

– Что произошло? – спросил Великанов.

– Провинция Баргоза, – адмирал положил сухую жилистую ладонь на карту, где были обведены цветными карандашами несколько населенных пунктов.

– Генерал Вэй опять решил показать зубы?

– Кажется, на этот раз он ни при чем.

– А кто? – удивился Великанов.

– Ситуация сложная. Мы пользуемся отрывочными сведениями. Но, похоже, у него раскол.

Великанов аж присвистнул. По имеющейся информации, генерал держит свою армию в ежовых рукавицах. Раньше были попытки свергнуть его, но все они заканчивались плачевно для заговорщиков: на показательные жестокие казни Вэй никогда не скупился. И уже давно никто из окружения не отваживался пробовать его на прочность.

– По предварительной информации, несколько сот человек откололись от генерала. И объявили, что северо-восток провинции теперь находится под их властью. Можно восстановить маршрут их движения... – Взяв карандаш, У Хтай Аунг показал на карте линию. – Вот так они шли. Разграбили несколько деревень.

– На такой бросок нужно время, – произнес Великанов. – Мы что, только сегодня узнали об этом?

– Вы же знаете, уважаемый советник, насколько трудно получать информацию из этих мест. Сегодня утром они захватили городок Ашхама. Семьдесят тысяч жителей. В основном этот населенный пункт связан с сельским хозяйством и переработкой сельхозпродукции. Охраняется городским подразделением полиции и взводом королевской легкой пехоты... И знаете, я не завидую жителям Ашхамы.

– Большие жертвы?

– Точных данных, конечно, нет. Но... По некоторым сведениям, там кровавая баня. Массовые убийства и мародерство.

– Чувствуется школа генерала Вэя.

– Даже Чэнь Вэй такое себе редко позволяет. Он вынужден демонстрировать хоть какое-то подобие справедливости. И зарабатывать симпатии населения. Эти же...

Великанов нахмурился. Толпа конченных отморозков получила в свое распоряжение целый город. Закончив с ним, пойдет в другой, сея смерть и разрушение.

– Известно что-нибудь о предводителе этой банды? – спросил русский специалист. – Кто посмел отколоться от генерала?

– Он выступил на митинге. Объявил, что генерал Вэй предал идеалы «Справедливого пути» и забыл заветы его основателя Ли Чанела, проявляет непростительную мягкотелость к врагам и непозволительное презрение к друзьям, глух к чаяниям простого народа. Но теперь есть кому взять дело освобождения народа в свои руки. Теперь появилось движение «Дорога верных».

– С фантазией у них неважно, – заметил Великанов.

– В общем, в этот трудный миг руководство новым движением отважился взять на себя он, командир Хан Кай.

– Он известен вам? – Имя раскольника было смутно знакомо Великанову, но он никак не мог вспомнить, где его слышал.

– Еще как, – адмирал махнул рукой, и стоящий около стола капитан открыл папку и положил на стол фотографию. С нее мрачно взирал совершенно обычный на вид сухощавый азиат. – Командир диверсионного отряда «Справедливого пути» Хан Кай. Бывший капитан королевской пехоты. Участвовал в боевых действиях против генерала. Попав в плен, перешел на сторону врага. Присягнул на верность «Справедливому пути», став его фанатичным поклонником. На стороне генерала Вэя воюет пять лет. Сперва в нем подозревали перебежчика, и свою лояльность ему пришлось доказывать участием в самых жестоких карательных акциях, лично проводя расстрелы наших солдат и местных жителей. Такие «подвиги» не простят ни одному внедренному агенту... Постепенно проявил себя в деле и был назначен командиром диверсионного отряда, который превратил в наиболее боеспособное подразделение «Справедливого пути», к тому же беззаветно преданное ему лично. Похоже, отряд и стал ядром раскола... Хан подозревается в организации и проведении атаки на колонну королевских войск на востоке провинции Баргоза, в разграблении монастыря. Крайне жесток и фанатичен.

– В общем, профессиональный предатель. – Наконец Великанов припомнил, что видел эту морду, когда просматривал досье на приближенных генерала Вэя. – Сначала предал короля, потом генерала – и, скорее всего, обоих вполне искренне. Уверен в своей правоте.

– Опасный психопат, получивший власть, способный на все, – сказал адмирал. – Помимо резни в захваченном городе, он проводит вербовку новых бойцов. И недостатка в желающих влиться в его отряд не испытывает.

– Удивительно.

– Отчаявшихся и забитых людей привлекают демагоги и палачи. Они показывают легкие пути решения всех проблем – и, главное, обещают месть. Если его не утихомирить сейчас, пока они еще не набрали мощь...

Великанов кивнул. При таких раскладах «Дорога верных» вполне может стать еще одной силой, действующей на территории Суньямы. И тогда война всех против всех обеспечена... Хаос нарастает, черт возьми.

– Принято решение о проведении крупномасштабной войсковой операции, – сообщил адмирал. – К ее проведению будут привлечены военно-воздушные силы, отдельный усиленный бронетанковый полк, подразделения артиллерии и пехоты...

– Пока танкисты и пехотинцы выдвинутся на исходный рубеж, Хан со своей сворой успеет добежать до Лаоса.

– Правильно, – кивнул адмирал. – Поэтому основная работа ляжет на плечи сил специальных операций. На диверсантов. На десант...

Ничего другого Великанов не ждал. Понятно, что только так можно блокировать и уничтожить врага. Но все равно после этих слов У Хтай Аунга он ощутил в солнечном сплетении холодок. Момент был ответственный. Через пять месяцев после трагедии Танчжоу пришло время продемонстрировать, каковы на деле натасканные русским советником силы специальных операций и стоила ли овчинка выделки. Это был экзамен, который ни в коем случае нельзя провалить.

– Мы справимся, – уверенно произнес Великанов.

Потом началось планирование предстоящей операции. Участвующие подразделения, средства доставки, порядок выдвижения, вооружение, связь... Упустить нельзя ничего. Великанов любил такие моменты – особенно когда при проработке плана удастся найти пару-другую хитрых ходов, которые позволят переиграть противника.

От идеи тупо выбросить десант и взять кавалерийским наскоком город пришлось отказаться: элементарно не хватит людей и средств доставки. Потери будут неприемлемо высоки, а боевиков, имеющихся в наличии у Хана, хватит, чтобы организовать достойный отпор. Десантники увязнут в городских боях. Другое дело решить силами спецопераций узкие диверсионные и антитеррористические задачи. Незаметно проникнуть в населенный пункт, попытаться освободить заложников, захватить кого-то из командования, нанести урон живой силе противника и создать хаос; организовать засады на возможных путях отхода, попытаться связать бандитов боем до подхода основных сил... На этом и остановились.

К середине ночи был выработан более-менее приемлемый план действий, назначены командиры и ответственные. Обговорены основные моменты боевого приказа, которому предстояло быть оформленным в письменном виде и стать основой для проведения боевых действий.

Адмирал перевел дух, устало потребовав себе и присутствующим по чашке местного крепчайшего чая, начиненного таким количеством острых приправ, что язык сворачивался в трубочку. Этот напиток хорошо бодрил и прочищал мозги.

– Хотелось бы обозначить еще один момент, – сказал Великанов, отхлебнув чай, к которому уже успел привыкнуть за время своего пребывания в этой стране.

– Мы что-то упустили? – испытующе посмотрел на него адмирал.

– С диверсионной группой должен идти я.

Вечная улыбка на устах адмирала поблекла. Участие Великанова в боевых действиях было противозаконно – он являлся иностранным советником, а дело советников давать платные советы. Но ведь был уговор. И У Хтай Аунг понимал, что Великанов, русский советник, там необходим. Хищникам нужен был хороший вожак, чтобы научить их охоте в реальности, а не на полигоне.

– Согласен, – кивнул адмирал и обернулся к подтянутому атлету, назначенному командиром диверсионного отряда. – Полковник Шань, для участия в операции к вам прикомандировывается советник. Командовать он не может, но к советам его стоит прислушаться.

– Так точно, сэр, – произнес командир ныне вошедшего в структуру сил специальных операций парашютного полка сорокалетний полковник Шань и кивнул советнику, как показалось, с некоторым удовлетворением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.